

Бусинка Кошковская
ДВАДЦАТЬ
ПЯТЫЙ ГОД

О ДЕКАБРИСТАХ, ВРЕМЕННЫХ ОТРЕЗКАХ И ЛЮБВИ

Бусинка Кошковская Двадцать пятый год

<https://litres.ru/73977094>

SelfPub; 2026

Аннотация

О декабристах, временных отрезках и любви. К двухсотлетию со дня восстания декабристов (1825-2025).

Бусинка Кошковская

Двадцать пятый год

Глава I.

Безвозвратно время уходит,

Людей навсегда забирая,

И память об этом с собою уводит,

В истории всё оставляя.

История помнит каждый наш шаг,

Как каждый из нас по дороге шагает,

И потом, словно мстительный маг,

В прошлое всё превращает.

Когда-то и наше время

Будущим было далёким,

А позже, спустя долгие годы,

Навек станет прошлым глубоким.

Лишь в памяти этот останется миг,

Перед тем, как с нами исчезнуть,

Будто света кратковременный блик, Упавший в тёмную

бездну.

И нам же пора запомнить,

Что память хранить мы должны,

А те, кто прошлого своего не помнит, Будущего досель

лишены.

* * *

Двадцать первый век. Полнейшее падение морали, политическая неразбериха и неуважение к истории как во всём мире, так и в пределах Руси матушки. За века Россия очень изменилась, но, в то же время, она доколе[1] является самой большой и непобедимой страной, как и двести, и пятьсот, и тысячу лет назад. Народ её также не изменился, за исключением того, что люди стали менее нравственными, как, впрочем, и во всём мире. Единственное, что не всё общество стало таким и оставались те, кто по сей день опирался на мораль, однако таких людей становилось всё меньше и меньше...

Что толку говорить о безнравственности, лучше сразу увидеть её на конкретном примере. Взять, к примеру, Валерию Константиновну Николаеву. Обыкновенная одинокая женщина, такая, не то чтобы злая, но весьма неприятная особа. С мужем развелась, с соседями вечно ругается, нигде не работает, а живёт лишь на деньги, которые ей платят за попечительство, ранее за опеку, над её племянницей, которая ей, собственно, вовсе никакая не племянница.

Откуда вообще эта девчонка свалилась на её голову? В один прекрасный день, пятого апреля 2007 года кто-то оставил под дверью Валерии Константиновны новорождённую девочку. Ни записки, ни метки — ничего не было, лишь серебряный крестик на шее. Что за ребёнок и тем более кто его оставил — неизвестно. Николаева, обнаружив её, сразу взялась звонить брату, который жил за границей. От него она

узнала, что недавно у его жены умерла какая-то родственница, а у той была маленькая дочь — Ольга Сергеевна и что скорее всего это та самая девочка. Он посоветовал сестре оформить над ней опеку, чтоб получать деньги. Так Валерия Николаева и сделала, правда воспитанием несчастной девочки не занималась, а по достижении года отдала её в детский сад, а позднее в школу. И вот, собственно, живёт у неё Ольга уже семнадцать лет.

* * *

Семь часов утра. Солнце медленно поднималось из-за горизонта и окутывало подмосковный город теплом и светом. В окнах домов отражались розово-персиковые облака. Солнце проникало во все здания, в том числе в дом Валерии Константиновны Николаевой, в комнату на чердаке дома.

Тонкий свет проникает сквозь занавески и заливает окутанное тишиной небольшое помещение, в котором находится стол, шкаф, подвесное кресло и кровать, на которой спит Оля Николаева. Та, о ком я, мой дорогой читатель, и говорила. Лежит она не вдоль кровати, а поперёк, раскинув при этом руки, подушка её откинута куда-то набок, а одеяло вообще валяется где-то на полу.

Тишину разрывает резкий звон будильника.

«Да будь оно проклято!» — подумала про себя семнадцатилетняя Оля, пытаясь с закрытыми глазами найти на тумбочке будильник.

Отчаянные попытки оказались безуспешны, ей пришлось открыть глаза и встать, чтобы отключить этот ненавистный будильник. После чего она вновь легла на кровать и закрыла глаза.

Послышался глухой стук в дверь и неприятный женский голос:

— Чего удумала? Вставай быстро, тварь!

— Да встаю, встаю! — недовольно отозвалась Николаева, морщась.

Она тут же соскочила с кровати и раскрыла окно, ведь в комнате было достаточно душно. Прохладный мартовский воздух сразу же ворвался в помещение.

Причесав свои чёрные, как смоль, короткие густые волосы и подкрасив губы тёмной помадой, девушка повернулась к шкафу, где на вешалке отыскала чёрные джинсы и белую блузку, которые тотчас же надела и, быстро скидав нужные учебники и тетради в сумку, вышла из комнаты. Завтракать она не стала, а сразу прошла в прихожую, где надела ботинки и куртку, и отправилась в школу, которая была в пяти минутах ходьбы.

Школу Ольга ненавидела всем сердцем, хотя любила ли она что-то вообще? Кажется, она испытывала ненависть ко всему миру, опять же по причине такого грубого обращения её попечительницы, которая постоянно обзывала её «дурой» или «тварью» и кричала без повода.

— Оля! Ты так и не начала заниматься! — с недоволь-

ством, вскрикнула отличница Марина Галкина, которая заметила Николаеву в коридоре школы.

«Опять эта надоедливая тварь...» — подумала про себя Ольга.

— Отстань! — проворчала она и отвернулась.

— Ну нельзя же так, экзамены ведь через два месяца.

— А тебе-то что? — равнодушно отозвалась Оля.

— Слушай, думаешь мне оно надо? — одноклассница заговорила уже спокойнее. —

Анна Васильевна мне поручила, чтобы я лично занялась тобой. Ты как сдавать-то будешь?

Николаева закатила глаза.

— Спишу, — пробурчала она.

— Чего ты спишешь? Сочинение? Ты ведь даже «Войну и мир» неудосужилась прочитать, а там, между прочим, и по истории много чего, например, исторические личности, а также прототипы этих самых личностей. Вот говорят, что образ Андрея Болконского вдохновлён одним из Волконских или героем Отечественной войны — Петром, или декабристом — Сергеем... — начала свою тираду Марина, но тут Ольга уже не выдержала и вскричала, что окружающие обратили внимание на них:

— Да плевала я на твоего Болконского! И на Волконского! И на тебя плевала, Галкина! — она, сжимая кулаки от злости, развернулась в сторону от отличницы и быстрым шагом пошла в класс.

Николаева зашла в кабинет и кинула сумку на последнюю парту первого ряда, за которой сидела. Она, опустившись на стул, начала доставать учебник и тетрадь по математике, которая была первым уроком.

— Привет, Николаева! — послышалось сбоку.

Оля повернула голову, ей рукой махала Светочка — её одноклассница, которая всё пыталась вызвать Олю на общение, но, увы, ей это всё никак не удавалось.

— Пока, блин, — с нескрываемой злостью, отозвалась она.

В класс вошла Марина Галкина — маленькая, светловолосая девчонка, которой внешне можно было с трудом дать семнадцать лет. Её очередное появление ещё больше внутренне взбесило Ольгу. Она, сделав вид, что не видит её, взяла свой телефон и уставилась в него, чтобы только не видеть эту надоеду.

— А вот и наша отличница! — воскликнул с третьей парты Костик. Большим умом он не отличался, как, впрочем, и дисциплиной. — Слушай, Маринка, дашь списать сегодняшнюю домашку?

— Пятьдесят рублей один пример, — со злой усмешкой, ответила отличница, доставая учебник.

— Ну и наглая же ты, Галкина!

— Даже не сжалишься над тупицей? С него ещё и деньги просить, — ехидно проговорила Николаева, не поднимая взгляда с телефона.

Костя густо покраснел и, с ужасом, покосился на Ольгу.

— А ты помяни моё слово, Николаева, когда на экзамене будешь сидеть как дура оттого, что ничего не знаешь! — вновь послышался строгий голос Марины. — Сегодня, значит, после уроков в кабинете истории у нас с тобой занятие.

— Да пошла ты подальше!

— Я-то пойду, дорогая, и напрямиком в МГУ, — Галкина подошла к ней и, чуть облокотившись на её парту, произнесла уже тише: — А вот куда ты пойдёшь, когда экзамены завалишь? А если не будешь заниматься, так оно есть завалишь! — она отошла к своей парте.

— От-вя-жись, — намеренно растягивая слоги, проговорила та.

— Да ну, Оль, ты чего? Бесплатно ведь предлагает! — восторженно прокричал Сашка — сосед Костика по парте, такой же разгильдяй, как и его дружок.

— Никто не виноват, что ты, как и я, выбрала историю и литературу. А если не придёшь, я пойду к директору.

Неожиданно в класс вбежал Алёшка Колесников. Он остановился у первой парты, упал на колени перед отличницей Мариной и жалобно заговорил: — Галкина, спасай! Ирина Константиновна убьёт меня! Она сегодня должна меня спросить, а я ж ничего не сделал!

— А это мои проблемы? — с иронией, спросила Галкина. — Ты куда сам-то смотрел?

— Забыл! Забыл, милая Мариночка!

— Какая я тебе милая?! — отличница демонстративно отвернулась.

— Маринка! — завыл Алёшка. — Умоляю тебя, помоги! Я тебе шоколадку потом принесу. Правда принесу! Клянусь тебе!

— На! — Марина кинула тетрадь в лицо Алёше. — Пять минут у тебя, до начала урока. Как вы меня бесите все... Быстрее бы уж закончить этот год, — она, тяжело вздохнув, закатила глаза.

Оля подняла глаза на одноклассницу, в её мыслях сейчас же пронеслось:

«Бесите? Быстрее бы закончить? Это ведь ровно мои же мысли. Понимаю тебя, Галкина... Но и ты бесишь меня также, как и они!»

— Святая женщина!

Через три минуты Колесников, списав всё, вновь упал на колени перед отличницей и, протягивая ей тетрадь, также жалобно заговорил:

— Марина Ивановна, как же я благодарен тебе.

— У тебя от страха последний ум вышибло? — она грубо вырвала свою тетрадь из рук одноклассника.

Скоро в класс вошла учитель. Симпатичная такая женщина лет тридцати пяти, темноволосая, худая и высокая.

— Здравствуйте, Ирина Константиновна! — послышалось с нескольких парт.

— Здравствуйте 11«А».

Впрочем, милый читатель, думаю, нет смысла писать о том, как прошла математика, за ней обж, после обществознание, далее география, следом право, а потом, ненавистные Ольге, история и литература, перейдём сразу к внеурочному занятию, на которое Оля всётаки пошла, ибо к директору ей не хотелось.

Галкина ждала её в пустом кабинете.

— Заходи, заходи! И за первую парту, — каким-то учительским тоном, проговорила Марина.

— И долго ты будешь меня тут мытарить?

— Зависит от тебя. Для начала проверим твои исторические знания, ну азы, так сказать — я тебе говорю событие, а ты мне год.

«Как ты меня достала», — подумала Оля, демонстративно закатив глаза.

— Ну начнём, для начала: дата основания Руси.

— Ты меня совсем за тупую считаешь?

— Если умная — отвечай.

— 862 год.

— Так, так, ледовое побоище?

— 1242 год, это ж легко.

— Легко, говоришь? — протянула Галкина, хитро улыбувшись. — А месяц и день тогда скажи.

«Месяц и день? В смысле, Галкина, ты чего творишь?! Мы так не договаривались! Так, так, весной это было... Вроде, апрель. А день?» — думала она.

— Э... Эмм... Апрель, кажется, а день... Да без понятия.

— Девятнадцатое апреля, пятое по старому стилю. Так-с, продолжаем, смутное время, назови годы.

— Что? Откуда мне знать такие глупости?

— А говорила умная... 1598–1613 годы. Идём дальше, Отечественная война в каком году была?

— О, ну это я знаю! Это легче лёгкого, — Николаева, с гордостью, улыбнулась и, с энтузиазмом, проговорила: — 1941–1945 годы.

Галкина подошла к ней ближе и громко произнесла:

— Неправильно, Николаева! Я сказала не Великая Отечественная, а Отечественная.

«Блин, а такая что, была?! Думай, Оля, думай! А, точно! Девятнадцатый век ведь!»

— В 1812 году!

— Теперь верно. А дату бородинского сражения назови, год уже есть.

«Что за сражение? Блин! Когда?! А, это же, вроде, то, о котором Лермонтов писал! 1812 год, а день и месяц... Чёрт! Да когда же?! Вроде, это было летом, но какой месяц и день... Блин! Блин!»

— Эээ... Ну летом, вроде.

— Что летом?

— Сражение летом было... Бородинское которое.

— Да, по старому стилю летом, ну а точная дата? «Значит — это конец августа, по старому стилю...»

— В конце августа.

— Ты на экзамене так и напишешь: бородинское сражение было в конце августа? — тон отличницы со спокойного быстро превращался в укоризненный.

— Да ну не знаю я число!

— Прочитала бы «Войну и мир» — знала бы! Там Толстой как раз пишет об этой войне подробно очень и не только об этой войне.

— Да не собираюсь я твою эту дрянь про дуб читать!

— Не перебивай меня! И это не про дуб, это замечательное произведение, гениальное! Универсальный аргумент на все сочинения. А бородинское сражение было двадцать шестого августа 1812 года по старому стилю и седьмого сентября по новому. Лермонтов тоже писал об этом, его стихотворение «Бородино».

— Слушай, а когда мы перешли к литературе?

— Они с историей слишком связаны, и ведь литературу ты тоже сдаёшь. Да продолжим, восстание декабристов, назови год, — недовольно проговорила отличница и грозно добавила: — Хотя бы!

«Так, так, это тоже, вроде, девятнадцатый век. А год... Год... 1826, вроде?.. Двадцать шесть, где-то оно есть, кажется 1826... Определённо!»

— Декабрь 1826!

Марина испуганно покосилась взглядом на Ольгу и тихо, с ужасом, произнесла:

— Ты не пугай меня так больше...

— Что! Опять неправильно?

Галкина отрицательно покачала головой.

— Ну а какой тогда?!

— Я так понимаю, день спрашивать даже не стоит... 1825 год, двадцать шестое декабря или четырнадцатое по старому стилю. В этом году двести лет будет, памятная дата.

— Ну вот, я же и думаю, что двадцать шесть где-то точно было!

— Слушай, ты меня так до приступа доведёшь со своими знаниями... Вот что, я сейчас принесу одну книгу из библиотеки, подожди минут пять.

— Окей, окей, можешь не торопиться, — ехидно произнесла Николаева, смотря, как уходит отличница. Она тут же схватила свою сумку и выбежала в коридор, оттуда на лестницу, а следом на улицу.

Когда Марина вернулась, естественно, Оли уже не было в классе. Она выглянула в окно и увидела, как его нерадивая одноклассница довольная идёт к воротам школы.

— Ольга! — строго крикнула Галкина, распахнув окно и едва не вывалившись в него. — Стой, негодница!

Та резко остановилась и оглянулась на школу.

— Счастливо оставаться, отличница! — Николаева пронзительно расхохоталась, на всю улицу. — Передавай привет своим декабристам! А то ж, кроме тебя, их никто и не вспомнит! — она, с издёвкой, улыбнулась, помахала ей рукой и

направилась к выходу с территории школы.

— Ещё вспомнишь меня! Так оно есть вспомнишь! Двочница! — крикнула ей вслед Марина и захлопнула окно.

«Ну, ну! Ещё вспоминать таких как ты, больно надо мне оно!» — подумала Оля, когда ветер донёс до неё последние слова отличницы.

Когда Николаева вышла за территорию школу, было около четырёх часов дня. И решила она остаток дня отдохнуть, вот тут-то и начались её неприятности... Для начала Ольга пошла на остановку, чтобы сесть там на автобус и доехать до торгового центра. Транспорт пришёл лишь спустя почти два часа. Мелочи у Николаевой не оказалось, поэтому, не захотев возиться со сдачей, она решила проехать бесплатно, но, как назло, вошёл контролёр и девушка, чтобы её не поймали, выскочила на какой-то остановке, до места назначения она не доехала, но это полбеды! Только спустя минут десять она поняла, что оставила в автобусе сумку с телефоном и деньгами. Теперь ей точно никуда не поехать. Название остановки ни о чём не говорило, такую Оля точно не знала. Вдруг она вспомнила, что у неё в кармане есть сто рублей, и решила пойти в магазин, чтобы купить воды, а на сдачу как раз уехать отсюда, уже ближе к тому месту, где она живёт. Вроде бы, и ничего страшного, но, пока Николаева шла от магазина до остановки, заметила, что за ней идёт какой-то подозрительный мужчина во всём чёрном. Она решила проверить, точно ли за ней он идёт и прошла остановку, затем перешла

на другую сторону улицы. Этот человек точно шёл за ней. Убедившись в этом, Николаева резко побежала. Куда уж она бежала — это неизвестно ни ей самой, ни вообще кому-либо.

Естественно, бежать Оля устала и остановилась, убедившись, что её никто не преследует. Она допила оставшуюся воду, бросив пустую бутылку на землю, огляделась, где находится и ужаснулась.

Темнело. Облака на западе окрасились в оранжево-жёлтый цвет, а восток уже поглотила тьма. В окнах десятиэтажек, что стояли поодаль, отражалось солнце, а за ними было темно. Рядом с высокими домами было много старых одноэтажных, будто заброшенных, домов. Не было ни души, за исключением нашей путешественницы. Николаева, с ужасом, глядела на всё окружающее. Глухомань — одним словом. Она присела на старую скамейку, чтобы чуть отдохнуть после пробежки.

«Где я? И как мне выбраться отсюда? Что мне теперь делать? А всё из-за того идиота! Чего ж ему надо было...» — только и было в её мыслях.

— Заблудилась, Ольга Сергеевна? — сбоку послышался зловеший низкий женский голос.

Оля, с ужасом, повернула голову вбок.

Рядом с ней на лавочке сидела женщина в тёмном плаще, лицо её было прикрыто капюшоном.

Глава II.

— Эм... Привет, — с удивлением и ужасом, произнесла

Оля. — А откуда ты

знаешь, как меня зовут?

— Я всё про всех знаю, — дама зло усмехнулась. — Ты же так давно хотела сбежать из дому.

— Это место мне не дом! — она вскинула голову. — Я не нужна своей тётке, ты ведь должна знать, если действительно всё обо всех знаешь или ты обманула меня!

— О, да, да, да! Несомненно! Я это тоже знаю. Также знаю о том, что ты ждёшь, когда тебе исполнится восемнадцать, чтобы снять квартиру и съехать от этой женщины.

— Да... — школьница разинула рот от удивления. — А откуда... — начала она, но её перебили:

— А ты знаешь что-то о своих родителях?

— Я знаю одно, что их давно нет в живых, я никогда не видела ни отца, ни мать, я только знаю, что моего отца звали Сергей, а у матери была старшая сестра, у этой сестры муж, а с сестрой её мужа... — ей вновь не дали договорить:

— ...ты живёшь. Ольга, а ты никогда не думала над тем, что ты не родственница этой женщине и вообще не отсюда, к примеру, из другого времени или измерения?

— Нет, я не верю в такие глупости.

— Зря! Очень зря... — с разочарованием, проговорила загадочная дама. — А ещё зря ты так относишься к своей истории и великому искусству — литературе. Не мне тебя учить, но в жизни ведь всякое бывает.

«Ещё и здесь эти история и литература...» — только и

подумала Николаева.

— Они повсюду, — продолжила женщина, будто прочитав её мысли, — от них никуда не скроешься, ведь это основа, она же классика.

«Кто она вообще? Небось маньячка какая-нибудь...» — только и хотела спросить Ольга, но Загадочная дама вновь, будто зная, что у той в голове, резко ответила на её мысль:

— Кто я — совсем не имеет значения. Пока не имеет. Но я не та, кем ты меня считаешь, — дама встала со скамейки. — И заруби себе на носу, деточка, — это не глупости, — она тяжело вздохнула, запустила руку в свой карман, достала оттуда медальон, с золотой огранкой и тёмно-красного цвета, и протянула его Ольге, со словами: — Возьми, только не потеряй, тебе это ещё пригодится.

— А что это? — только и успела произнести Ольга, как эта странная женщина, со зловещей аурой и в тёмном плаще, куда-то исчезла.

«И что мне с этим делать?» — подумала она и, с удивлением, взглянула на медальон. Сейчас же он ослепительно засиял, Николаева, как замороженная, отчего-то стала ещё больше вглядываться в него.

В один момент медальон резко погас, и Оля, не контролируя себя, потеряла сознание, упав на холодную землю.

«Встанет всё на места, раз, два, три... Я считаю, а ты поспеши. Раз, два, три...» — где-то далеко говорил какой-то голос.

Подмосковный город окончательно поглотила тёмная звёздная ночь, а Ольга Николаева пропала без следа, как будто её никогда и не было...

* * *

Если я спрошу Валерию Константиновну об её племяннице Оле, она лишь поводит пальцем по виску, приняв меня за сумасшедшего человека, ведь никакой племянницы у неё на попечительстве нет и никогда не было. Ежели захочу я узнать у Марины Галкиной о её нерадивой однокласснице, то она ответит, что никакой Ольги Николаевой в их классе нет. Так будет говорить каждый, кого я спрошу, как будто этой Оли никогда не существовало на этом свете, вот так пропал человек без следа и без имени, ненужный никому. Только мы знаем, что была она, а учитывая наше положение во времени, именно была, а не есть сейчас.

Куда же, собственно, эта грубоватая дамочка делась-то, да так, что даже найти никто не может? Без стеснений скажу, что была Ольга в Москве. Да, да, в Москве, только немного не в той, о которой вы, дорогие читатели, сейчас подумали... В какой конкретно Москве — узнаете дальше. Спросите, как она попала туда? А вот этого я вам пока что не скажу.

Что ж, долой лирические отступления, посмотрим наконец на нашу грубиянку.

Оля сама не знала, что с ней было и сколько времени она провела без сознания, но явно достаточное долгое время. Ольга чувствовала что лежит на чём-то мягком: диване или

кровати, но глаза открыть не решалась. Голова её изнутри разрывалась от ужасной боли. Ясно, что недалеко был кто-то ещё, ибо где-то совсем рядом слышались какие-то незнакомые голоса, хотя может быть это были лишь галлюцинации.

— Ах, Боже мой! Сергей Григорьевич, она совсем неожиданно потеряла-с сознание! Я лишь на минуту отвернулась-с, — встревоженно говорил какой-то мягкий женский голос.

— Что с нею? — спокойно, но чуть дрогнув, произнёс низкий грубый мужской голос.

— Устала-с, видимо, княжна наша, спала-с плохо.

Мужчина тяжело вздохнул и задал ещё вопрос:

— Мария Николаевна где, известно ли тебе? Я с самого отъезда не видел её.

— Да-с, господин, княгинюшка уже почивать[2] легла-с, весьма давно.

— Как она вообще? Здорова ли?

— Со здоровьем хорошо-с, только вот отчего-то всё время грустна... Сидит-с подолгу одна в комнате за чтением и не разговаривает-с ни с кем.

— А княжна как? Они разве совсем не пересекаются?

— Хорошо-с, Ваше сиятельство, она ведёт-с себя обыкновенно, с Марией Николаевной не видится-с.

— Ммм... Из Петербурга вестей не было?

— Андрей говорил-с о каком-то письме, от князя Трубецкого, кажется. Он вам его в ваш кабинет доставил-с.

— Хотя что-то доброе, — с каким-то облегчением ответил он.

Ольга наконец открыла глаза и оглядела помещение, оно выглядело довольно странно, но очень роскошно. Около стен стояли огромные старинные шкафы со множеством, не менее старинных, книг, посреди комнаты стоял небольшой, из цельного дерева, стол, на окнах висели большие плотные шторы, бежевого цвета, а с потолка свисала люстра со свечами — всё было в стиле каких-то прошлых (или даже позапрошлых) веков. За окном было темно, шторы были задёрнуты, и комната освещалась лишь тусклым светом свечей.

Около окна стоял мужчина лет тридцати пяти в военном мундире. Черты лица этого человека были грубыми и, казалось, какими-то сухими и безжизненными, но весьма красивыми и определёнными, сам он был довольно высокого роста и крепкого телосложения. Рядом с ним стояла маленькая темноволосая девушка лет двадцати, не красавица, но достаточно милая и привлекательная, утончённость у неё была не только во внешности, а также и во всех движениях.

— Ах! Где я?.. — от ужаса, воскликнула Оля, не контролируя себя. Позднее она пожалела, что сделала это, ибо привлекла к себе внимание.

Мужчина и девушка сразу обернулись на неё и, увидев, что Ольга пришла в себя, подбежали к ней.

— Olie, доченька, как ты себя чувствуешь? — произнёс мужчина, аккуратно взяв её руку.

— Что?.. Какого... М! — приглушённо выпалила она, быстро и испуганно, выдернув свою руку из его ладоней.

— Как вы нас напугали-с, Ольга Сергеевна! — взволнованно воскликнула темноволосая девушка.

«Кто эти люди? Почему они так странно одеты? Где я вообще нахожусь?! Голова как болит... Что со мной вообще?.. Ничего не помню...»

— Пойдёмте-с, госпожа, я провожу-с вас в вашу комнату, — произнесла девушка и, подав Ольге свою маленькую бледную руку, помогла ей привстать.

Оля, с явным вопросом, с головы до ног оглядела её, а следом и того военного, который назвал её «дочерью» и так беспардонно схватил за руку.

Маленькая девушка сразу же взяла её под руку и повела куда-то.

— Ваш батюшка — Сергей Григорьевич, так беспокоился-с, — тихо произнесла она, когда они вышли в коридор.

— Слушай, — Оля резко остановилась, — а ты кто вообще такая?

— Ох... — девушка, с разочарованием, вздохнула. — Шутить изволите-с, княжна? Даша ведь я — крестьянка крепостная.

— Княжна? Эээ... Это я что ли княжна?.. А ты моя слуга, получается?.. Ладно. Неважно. Скажи мне, где я сейчас?

— Что же это с вами такое приключилось-с? Никак голову вы ударились-с? Лекаря вам надо-с, — Даша насторо-

женно, будто считая её безумной, взглянула на свою госпожу. — Дома ведь вы, в Москве, у бабушки вашего — князя Сергея Григорьевича Волконского. — Постой, постой! Волконского? Хм... Где-то я эту фамилию уже слышала...

— Да-с, моя госпожа. Как вы позабыли-с?

«Вспомнила! Болконский... Герой «Войны и мира». А был ещё Волконский... Галкина ведь говорила. Стоп! Они ведь девятнадцатом веке все жили... Так, так, что-то тут не то...»

— А год сейчас какой?

— 1825 от Рождества Христова, — ответила служанка, вновь вздыхая.

— Какого... Стоп! Как 1825?! Двадцать первый век ведь... Ты точно не шутишь?

— Кажется-с, это вы шутить изволили-с, княжна, — обеспокоенно произнесла Дарья, опять, уже с недоверием, взглянув на неё. — Ваша комната, ежели вы вдруг забыли-с, — она, со скрытым недовольством, указала рукой на дверь. — Вам точно не нужен-с лекарь?

— Ладно, ладно, успокойся уже, нормально всё со мной. Понимаешь?

Крестьянка не ответила ничего.

— Как там тебя? Дашка, да? Свободна, — Оля вошла в комнату и, закрыв за собой дверь, села на кровать, что была в комнате.

«Так, это что же, я с ума сошла что ли с этим ЕГЭ? А мо-

жет они все просто как идиотку разводят меня и прикидываются? Что всё это значит? Не удивлюсь, если Галкина за этим стоит. Точно она!» — начала рассуждать она.

«Волконский... С чего он вдруг стал моим отцом, которого никогда не было? Точно! Они прикалываются все! А если я поверю, выставят душой. Точно, точно!»

— Ну что, довольна? — слышался знакомый низкий голос.

Рядом, на краю кровати, сидела та самая Дама в капюшоне, после встречи с которой Ольга оказалась в этом странном месте.

— А, это опять ты! Рассказывай, что за чушь вокруг творится! Твоих рук дело или Галкиной? А может вы заодно... Развести меня вздумали — думаете, я такая дура?! Сколько она заплатила вам всем?

— Поздравляю тебя, ты в девятнадцатом веке, — с иронией, ответила она.

— То есть, как это понимать? Это не шутка что ли?! — Ольга резко менялась в лице, она не могла поверить, что все эти истории с перемещением во времени могут быть реальностью, ибо не верила в такую, как она говорила, чушь.

— Шутки кончились, деточка, — дама встала с места и отошла от кровати, — тебя отбросило на двести лет назад, — зловеще добавила она. — Они все ни о чём не подозревают, ибо нет прошлого и будущего, а настоящее везде, но лишь там, где мы находимся в данный момент.

— Иии... Ну допустим так. Как-то можно же выбраться отсюда? В фильмах все как-то выбирались.

— То фильмы, а это жизнь... Пока ума не наберёшься, в двадцать первый век точно не попадёшь. Рано тебе знать всё, позже узнаешь.

— Эээ... Что?! В смысле, ума не наберёшься?

— В самом прямом, милочка.

— Немедленно возвращай меня обратно! Это ведь из-за тебя и твоего медальона? Получи его! Мерзавка! — Ольга злостно, со всей силы, кинула тот самый тёмно-красный медальон в сторону этой странной женщины.

— Побереги его, а то навсегда останешься здесь! — ответила дама и, словно сахар в чае, растворилась в воздухе.

Медальон, с шумом, приземлился на пол.

— Ольга Сергеевна, у вас упало-с что-то? — воскликнула Даша, неожиданно распахнув дверь.

— Опять ты, надоедливая... Я просто уронила свой медальон, — недовольно пробурчала Оля, закатив глаза.

Крестьянка подобрала с пола медальон и осторожно спросила:

— Этот, сударыня?

— А ты другой тут видишь? Пошла вон отсюда, оставь меня в покое! — она повысила голос.

Дарья подошла к кровати и отдала княжне медальон.

— Как изволите-с, княжна, отдыхайте-с, — проговорила она и, поклонившись, покинула комнату.

«Сумасшедший дом какой-то...» — подумала Оля и опустила голову на большую мягкую подушку.

Шторы на окне как-то зловеще качнулись, будто кто-то намеренно задел их. А что, если эта дама всё ещё была здесь и наблюдала за Олей? Нет, всё это неправда и, кроме Ольги, в тёмной маленькой комнате никого: людей, мистических существ и даже приведений, не было, а Загадочной дамы и подавно, ибо незачем ей было оставаться здесь так долго, и это место она покинула ещё в тот момент, когда растворилась в воздухе.

«Это получается, я на самом деле попала в девятнадцатый век? Но этого не может быть... Эта странная женщина... Может это всё галлюцинации? Бред какой-то! Волконский... Стало быть — мой отец?.. Но у меня нет отца. А мать? Может это та Мария Николаевна, о которой они говорили? Нет. Матери у меня тоже нет... Медальон... Что он значит? Эта сказала, что, если с ним что, я не вернусь в двадцать первый век. Что ж за медальон-то такой всё-таки... И на кой чёрт он сдался мне? Хотя может и хорошо — ЕГЭ сдавать не надо... А тут слуги и всё такое, за меня всё делать будут. Ладно, завтра разберусь, хватит с меня приключений на сегодня!» — с этими мыслями Оля сомкнула веки и почти сразу заснула.

Глава III.

Ольга проснулась рано утром, часов в семь. За ночь она на время забыла о том, где сейчас находится и что произошло вчера. Оля уже

готовилась к тому, что зазвенит будильник, и в комнату наведается несносная тётя, но в один момент ей будто что-то ударило в голову, и она опомнилась, что никакой тёти с будильником не будет. Княжна открыла глаза.

«Всё-таки не сон...» — подумала она, оглядывая богато обставленное помещение, которое не успела рассмотреть вчера.

Комната была не очень большой, но её убранство было не менее роскошное, чем в той, в которой Оля очнулась вчера. На окнах висели плотные шёлковые шторы светло-коричневого цвета. Напротив кровати стоял небольшой стол из цельного дерева, рядом с которым стояло кресло. На столе находились два серебряных подсвечника, внутри каждого из которых было по три погашенных свечи. Недалеко от стола находилось большое зеркало. Кровать, на которой Оля сегодня спала, была очень большая и удобная, гораздо удобнее, чем в доме тёти в двадцать первом веке.

«Может быть и правда не всё так плохо? Вон как тут всё богато... Только как себя вести и чем заниматься? Может у Дашки спросить? А она опять будет смотреть на меня как на дуру...»

Об пол что-то звякнуло. Ольга села на кровати и взглянула на пол, где лежал тёмно-красный медальон с золотой огранкой, который дала ей Загадочная дама.

«Вот что мне с этим делать?» — подумала она, подобрав его и вновь принявшись его разглядывать. От этого занятия

её отвлекли шаги, которые послышались за дверью.

Княжна, положив медальон на кровать, встала, подошла к ней и прислушалась.

— Князь наш сегодняшним днём отбывает в Петербург. Подготовь всё и Андрею скажи, — тихо говорил какой-то женский голос, уж очень похожий на голос Даши, но, казалось, более уверенный.

— По какому ещё такому делу? — раздражённо спросил чей-то грубый мужской тон.

— Господин как-то не доложил мне, велел только тебе доложить, — недовольно протянула девушка.

— Да не отпирайся, Дашутка. Ты ж всё знаешь! — мужчина повысил голос.

— Тише ты, недоумок! Не знаю я! И вообще, кто из нас камердинер[3] — ты, кажется?..

— Да брось! Ты больше меня знаешь всё равно.

— Я знаю одно... Вчера Сергею Григорьевичу письмо от князя Трубецкого доставили. Тайные дела господина, понимаешь?

— Не такие уж и тайные эти делишки... Думаю, даже княжна обо всём знает, одна лишь Марья Николаевна в неведении.

— Слушай, Петька, это нас не касается, ни то, ни иное.

Последовала пауза.

— Руки убери от меня! — Дарья повысила голос. Было слышно, как кто-то кого-то ударил — пощёчина как будто

бы.

— Чего ж такому добру пропадать?

— Женится Андрей на мне — может тогда успокоишься.

— Князь не позволит.

— А коли будешь руки распускать, князю и скажу, он тебя мигом вышвырнет, тогда и узнаешь всю прелесть жизни. Всё! Пора расходиться.

На этом слова закончились, и вновь слышались шаги — эти двое куда-то разошлись.

Оля тоже отошла от двери.

«Кто ж такая эта Мария Николаевна? И что, по их мнению, знаю я, но не знает она?..» — подумала Ольга, принявшись разглядывать одежду на себе. На ней была какая-то белая ночнушка с длинным рукавом. «И угораздило же меня попасть так... Ещё ведь он Сергей, а я Сергеевна, да и родителей у меня в том времени нет. Может быть я просто всё ещё лежу там без сознания, а это всё мне кажется?»

Раздался громкий стук в дверь.

— Входите, раз пришли, — ответила Оля, — хотя лучше б не приходили... — тихо добавила она.

Дверь отворилась и в комнату вошла Даша.

— Доброе утро, Ваше сиятельство, — крестьянка поклонилась. — Как спалось-с вам?

— Шикарно просто! Такой удобной кровати я ещё нигде не видела.

— Чего-нибудь изволите-с?

— Ну а сама как думаешь? Поесть не мешало бы.

— Князь Сергей Григорьевич уже изволит-с есть и ожидает-с вас к завтраку, княжна. Какое платье изволите-с надеть сегодня?

— Платье?.. Ммм... — пробормотала Ольга, отвернувшись. — Любое, только потемнее, — ответила она спустя несколько минут раздумий.

— Какое из, Ваше сиятельство? Синее, фиолетовое или может быть зелёное?

— Хм... Ну пусть будет синее, только смотри, чтоб прям тёмное было!

— Сию минуту, — Дарья поклонилась и покинула комнату.

Через какое-то время она вернулась с платьем и ещё чем-то.

— Подойдите-с ко мне, Ваше сиятельство.

— Что ты делаешь? — с недоумением, спросила Оля, глядя как крестьянка взяла в руки длинные ленты и что-то ещё.

— Хочу-с корсет вам завязать-с. Повернитесь-с спиной ко мне.

— Нет, я не хочу! Зачем это мне?

— Ваше сиятельство, это правило такое — все девушки должны-с носить корсет.

— Какое к чертям правило?! Это что, в Конституции так прописано?

Даша посмотрела на неё как на человека, несущего несущ-

светный бред и ответила: — Ваша воля, княжна, но таковы правила.

— Ладно... Только не сильно затягивай, — Ольга подошла к крестьянке. Та сразу же, надев на неё корсет, стала его затягивать.

— А! Ты что... Творишь! Куда... Так... Сильно! Ах! Отпус-ти! Меня... Хватит! Мне больно! — Оля, с криком, испуганно отпрыгнула в сторону.

— Госпожа, не кричите-с так, я ведь не закончила-с ещё.

— Сейчас скажу князю, что ты издеваешься тут надо мной!

— Глупости какие, Ваше сиятельство.

— Вот как ты будешь разговаривать со мной! Я княжна, а ты никто! Пошла вон отсюда! Чтоб я тебя не видела больше!

— истошно завизжала Оля.

Даша, сохраняя спокойствие, поклонилась и послушно покинула комнату, а Оля, хлопнув дверь, упала на кровать.

«Вот ещё! Будет тут мне всякая прислуга указывать! Хм... А может быть правда пожаловаться? А её пусть высекут или вообще выгонят! Вот это я придумала!» — думала Ольга, злорадно потирая руки.

Впрочем, думать она могла сколько угодно, хоть до самого вечера, но есть от этого меньше не хотелось и живот всё равно сводило от голода. Оля встала и, с трудом разобравшись со всякими лентами, натянула на себя тёмно-синее платье.

«Ну и безвкусица!» — подумала она, подойдя к большому

зеркалу и став разглядывать себя в нём. «Какую же ерунду раньше носили... Но выбора у меня нет».

Оля, недовольная своим нарядом, отошла от зеркала и, приоткрыв дверь, вышла в коридор, а следом на лестницу, по которой спустилась в гостиную.

В гостиной, за большим деревянным столом, изобилующим всяческими яствами, сидел князь Волконский. Сегодня он был не в военной форме, а в белоснежной рубашке, поверх которой был надет фрак коричневого цвета. Рядом с ним сидела какая-то молодая женщина внешне не намного старше Ольги — лет примерно двадцати, не больше. Она была весьма симпатичной, волосы её были тёмно-русые кудрявые, блестящие кудри падали на её румяное лицо, слегка прикрывая томные карие глаза. На девушке было лёгкое платье бежевого цвета, с поясом на талии.

— Доброе утро, Olie, — восторженно произнёс князь, взглянув на неё.

— Ну доброе, — растерянно ответила Оля и присела рядом, на что князь и девушка както неодобрительно посмотрели на неё. Видно, она что-то неправильно сделала и не оказала им должное уважение.

«Почему они так смотрят... Интересно, кто же эта женщина? Может быть это и есть Мария Николаевна? Скорее всего, но кто она? Может быть моя мать всё-таки? Нет. Уж слишком молода. Кажется, она не намного старше меня. Может быть старшая сестра? Ой, она же Николаевна, а я Сер-

геевна... Может быть она приёмная? Кто она такая тогда?»
— думала княжна.

— Serge, quand allons-nous à une fête? La princesse Trubetskoï nous a invités[4], — мягким приятным голосом заговорила девушка, личность которой, пока что, оставалась для Ольги загадкой.

«Чёрт! Французский... Я ж его не знаю! Я ж английский в школе учила (а учила — это громко сказано). Вот тебе и девятнадцатый век... А чего мне делать то теперь?» — от досады Оля чуть не хлопнула по столу.

— Сейчас не время, — слегка раздражённо ответил Волконский, даже не взглянув на неё.

— Но... Отчего же?..

— Je ne suis pas d'humeur à ça pour le moment[5].

— Serge, pourquoi tu me fais ça? Vous semblez m'avoir complètement oublié[6]... — она заговорила так быстро и жалобно.

— Marie! — князь повысил голос так, что вздрогнула не только Мария, но и Оля.

«Зачем так орать? Не понимаю. Чего такого она ему сказала, что он

разозлился? И чему же это не время? Но зато теперь я точно знаю, что это Мария Николаевна», — думала Ольга и, глотая пирожное, незаметно наблюдала за обоими. И князь, и Мария Николаевна друг на друга не глядели и молчали.

Позавтракав, Волконский ушёл первым. Он встал из-за

стола и, холодно поцеловав руку Марии Николаевны, безмолвно ушёл. Когда князь скрылся на лестнице, княгиня, глядя ему вслед, тяжело вздохнула, тихо пробормотала что-то по-французски и тоже ушла.

— Извольте-с ещё чего-нибудь, милая княжна? — спросила Дарья, которая внезапно появилась здесь.

— Ах, русский язык, хоть кто-то... — кажется, Оля никогда не любила русский язык так сильно. — Опять ты! — с недовольством, воскликнула она, увидев, что это Даша говорила по-русски. — А тут кормят очень даже хорошо, лучше, чем у тётки.

Крестьянка только непонятливо пожала плечами, ибо знать не знала, о какой такой тётке идёт речь.

«Она так спокойна после всего? Может она всё забыла уже?.. Какая-то она странная...» — подумала Оля и, воспользовавшись положением, не стала разжигать ссору вновь, а очень даже дружелюбно заговорила:

— А вообще, Дашка, ты очень вовремя! У меня тут вопрос есть, можно ли прогуляться куда-нибудь здесь?

— В сад, госпожа.

— Отлично. Подготовь мне одежду, — Ольга не знала дворянских манер и устоев девятнадцатого века, но сразу же поняла, что самой можно вообще ничего не делать, ибо всё за тебя сделают слуги.

Крестьянка ушла, но скоро вернулась, уже с шубой, которую помогла надеть своей княжне.

— Слушай, пойдём-ка со мной, разговор есть к тебе.

— Как прикажете-с, Ваше сиятельство.

Княжна и крестьянка вместе вышли в сад.

Мартовский сад был какой-то безжизненный и откровенно неприглядный, ибо снега уже почти не было и повсюду были лужи и грязь, а листья ещё не появились и даже не думали, ибо слишком рано.

— Слушай, Дашка, а сколько вообще лет этой Марии Николаевне? — Оля не стала спрашивать напрямую, а начала издалека, ибо уже знала, что её опять примут за сумасшедшую.

— Двадцать, кажется, сударыня.

— Меня старше всего на три года...

— Да, Мария Николаевна очень молода-с. Но в жизни всё бывает-с, и сходятся-с даже такие люди, как она и наш князь, хотя княгиня постоянно жалуется-с своим братьям на нашего Сергея Григорьевича...

— Она в дочери ему годится! — недовольно произнесла Оля, а про себя подумала: «Так. А это уже интересно... Что значит «сходятся»? Она что, его жена? Стало быть... Моя мачеха?.. Но она в самом деле ему как дочь...»

— Дашка, вот ты где шляешься! Князь отбывает в столицу, а ты тут разгуливаешь! — послышался сзади чей-то грубый голос.

Ольга и Дарья остановились и обернулись. Перед ними стоял темноволосый мужчина лет тридцати, довольно вы-

сокого роста. Одет он был в обыкновенную крестьянскую одежду.

— Ваше сиятельство, я заберу от вас эту бездельницу? — спросил он. Голос его показался Оле знакомым, она вспомнила, что именно он разговаривал с Дашей утром за дверью, этот человек был никто иной, как «Петька».

— Госпожа, могу ли я идти-с?

— Да иди уже, — равнодушно ответила Оля, махнув рукой.

Крестьяне, перешёптываясь, весьма быстро ушли.

«Хм... Зачем же этот князь едет? Интересно, интересно. А эти двое ведь шептались за дверью... Хотя какое мне дело до всех этих глупостей? Я ведь дворянка! И пошли они все куда подальше!» — подумала княжна, гордо вскинув голову.

Время шло, а проживание в девятнадцатом веке никак не влияло на Ольгу.

Сама она ничего не делала, взрослых всячески избегала, а крестьянам грубила — Дарью так вообще как только не бранила и не обзывала. В лучшую сторону она явно не менялась, а даже, казалось, наоборот.

Глава IV.

Долго ли, коротко ли, а однообразная жизнь Ольги в девятнадцатом веке

начала становиться интереснее, причём чем дальше, тем неожиданнее. Началось всё в начале марта, с, казалось бы, неприметного, но странного во многих смыслах, разговора с

Марией Николаевной.

Самое обыкновенное обеденное время в доме Волконских. Княжна Оля сидела за столом в гостиной и обедала, её трапезу разделяла и княгиня Мария Николаевна, князь

Волконский же от обеда отказался и был сейчас где-то в другом месте, но только не здесь.

Закончив есть, княгиня, видимо, готовясь к разговору и пытаясь подобрать нужные слова, долго смотрела то на Олю, то в пол, то куда-то в ближнее окно.

Через время она наконец решилась и тихо неуверенно заговорила:

— Оленька, puis-je te parler?[7]

«Что же она сказала? Взяли моду эти дворяне по-французски говорить, а ты возьми и пойми! Блин! Но кажется, по интонации, это был вопрос... Что ответить-то ей? Сложно...» — думала княжна.

Думала над этим Оля недолго, в голову ей пришла одна мысль, и она сказала одну простую фразу:

— Давайте-ка на русском поговорим, я не люблю французский.

— Твоё желание, милая. Не пугайся, я просто хочу по-человечески с тобою поговорить... Понимаешь, мы ведь уже почти два месяца с князем женаты, а ты его дочь, и с тобою мы живём в одном доме, но будто не родные друг другу. По крови и в самом деле не родные, но ведь по родственным связям... — начала Мария Николаевна, но Оля грубо и бес-

церемонно перебила её: — А, так вы хотите напомнить мне, что вы моя мачеха?

— Нет, Олие, я совсем не хочу зваться твоей, как ты сказала, мачехой. Я хотела бы, дабы мы с тобою были друг к другу ближе, мы ведь родственники всё-таки... Да и твой отец был бы очень доволен этим, он ведь так тебя любит.

— Что конкретно вы хотите предложить мне? — спросила Оля, а про себя подумала: «Вот же привязалась! Надоеда какая. Не зря же он тогда прикрикнул на неё...»

— Я хочу, дабы мы были родственниками не только по бумаге, но и по душе.

— Вы хотите видеть во мне свою подругу? — недовольно протянула Оля, ибо разговаривать с Марией у неё явно не было желания.

Ежели к князю у неё была хоть какая-то малейшая доля уважения, в силу того, что по возрасту она ему в самом деле как дочь, то к княгине у неё не было ни капли уважения, опять же из-за возраста, но теперь ещё и в силу того, что она её попросту отчего-то бесила.

— Не совсем, я хотела бы, дабы у нас с тобою были отношения может быть

не как у матери и дочери, ввиду нашей небольшой разницы в возрасте, а хотя бы как у тёти и племянницы или старшей сестры и младшей.

— Знаете, что, дорогая вы моя Мария Николаевна? По всем этим вашим любимым традициям, я должна оказывать

вам уважение как к матери, ввиду вашего семейного положения. Увы, я не могу этого сделать из-за вашего возраста, так что не лучше ли нам просто не пересекаться вообще, — Ольга встала из-за стола и направилась к лестнице.

— Я в чём-то провинилась перед тобою, Олие? — виновато спросила Мария Николаевна.

Оля остановилась, повернулась и, окинув княгиню прездательным взглядом, с какой-то издёвкой, ответила:

— Нет. Просто не доросли вы до князя и не дорастёте никогда, ибо в дочери годитесь ему, — Оля, не слушая ничего боле, отвернулась и пошла наверх.

За углом она столкнулась с Дашей.

— Ох, княжна, это вы! Простите-с меня, я вас не заметила-с, — оправдалась крестьянка.

— Смотреть надо, куда летишь! Понаберут всяких по объявлению...

— Не знаете ли-с, княгинюшка Мария Николаевна внизу али нет?

— На что она тебе сдалась?

— Господин велел-с передать ей и вам то же, что сегоднешним вечером вы едете-с на праздник к Паниным, в Марфино.

— Хм, интересно, интересно... Выезд «в свет», значит. Во сколько?

— К восьми часам. Отъезд в шесть.

— Ладно, иди вниз, она там. Только после ко мне зайди

после.

— Благодарю-с вас, Ваше сиятельство. Слушаюсь-с, — поклонившись, Даша скрылась за поворотом.

Оля размеренно направилась в свою комнату, где очень скоро, минут через пять, её настигла Дарья.

— Ваше сиятельство, вы велели прийти-с к вам, — вежливо произнесла она, когда вошла в комнату.

— Да. Посоветуй, в чём мне пойти сегодня на вечер?

— Не могу знать-с, госпожа, ибо это только ваш выбор.

— Ну покрасивее чего-нибудь надо, откуда ж я знаю?

— Я думаю-с, что вам подойдёт-с тёмно-бордового цвета с закрытыми плечами.

— Ммм... А с открытыми есть?

— Есть-с, Ваше сиятельство, но другого цвета — бежевое.

— Ладно, — возмущённо протянула она, — чёрт с ним! Пусть будет с закрытыми. Подготовь потом, ближе ко времени.

— Как прикажете-с, княжна. Изволите-с ещё чего?

Ольга задумалась, но ничего нового не придумала и, спустя время молчания и раздумий, ответила:

— Пока нет. Иди. Если надо будет, позову.

Крестьянка тихо вышла.

К пол шестому Ольга была готова — Даша подготовила ей закрытое тёмно-бордовое платье с длинным рукавом и такого же цвета короткие кружевные перчатки. Её чёрные короткие волосы крестьянка, как смогла, уложила в причёску.

В шесть Волконские выехали. В Марфино они прибыли около полвосьмого. Их радушно приняла хозяйка имения — уже немолодая графиня Софья Владимировна Панина (урождённая Орлова).

Сначала Оле было довольно весело на вечере. Почти сразу к ней подошла какая-то женщина лет примерно тридцати пяти, небольшого роста, с тёмными кудрявыми волосами и голубыми глазами.

— Сударыня, what is your name?[8] — учтиво заговорила она.

«Английский подъехал...»

— Княжна Ольга Сергеевна Волконская. And you?[9]

— Emma Amalia Bones — English Duchess[10].

«Вот те на! Англичанка настоящая! Ммм... А я английский-то плохо знаю».

— Перейдём на... Russian[11]?..

— Можнó attempt[12]. Но я плохó понимать русский я зык.

— Тогда sorry, I am not speak English[13].

— Жаль... Очénь жаль, miss. Right?[14]

— Yes[15], «жаль» — именно так это называется по-русски.

На этом диалог был закончен, и герцогиня пошла «мучить английским» других гостей.

Вскоре всё это притворное общество ей наскучило. И вот Ольга уже одна стояла у окна и думала, над тем, какой пред-

лог бы сочинить, чтобы уйти отсюда. Хотя слишком долго думать ей не пришлось, ибо он довольно быстро нашёлся сам собой, когда к ней подошла Мария Николаевна.

— Ты одна здесь стоишь, что-то случилось, милая? — с беспокойством, спросила она.

— Ничего, — недовольно ответила Оля и демонстративно отвернулась от княгини. — Какое вам вообще дело до меня?!

— Ничего дурного, я лишь забеспокоилась о тебе.

— Ну и оставьте это беспокойство при себе, а до меня не докапывайтесь.

— Отчего ты так грубо говоришь со мною? — княгиня всегда говорила с Ольгой как-то неуверенно, но этот вопрос она задала без каких-либо колебаний, даже с нажимом. Видимо, даже мягкой характером Марии Николаевне уже надоело терпеть грубости от этой наглой бессовестной особы.

— А кто вы такая, чтоб по-другому разговаривать с вами?

— Ну знаешь ли, милочка! Ссориться я с тобою совсем не хочу, но и разговаривать с собою в таком ключе не позволю.

— Вы умеете разговаривать, а не только мямлить... — с издёвкой, ответила княжна.

— Ольга! Не переходи границы дозволенного! — сзади послышался чей-то грубый голос.

Оля обернулась. Рядом с княгиней стоял её муж — князь Волконский.

— Хм... А где же ваше излюбленное «Оленька» и «доченька»? — передразнивая его интонацию, спросила она.

— Ты княжна и моя дочь, — князь уверенно сделал шаг вперёд. Он явно был настроен решительно.

— Да вы что?.. Неужели?

— И всё это не позволяет тебе вести себя как вздумается и оскорблять мою жену, тем самым позорить меня перед всеми. Ты дворянка, запомни это, тебе не пристало так вести себя.

— Эта самая «жена» старше меня всего на три года...

— Замолчи! — Волконский повысил голос, так, что все окружающие испуганно обернулись на него. — Поезжай домой! Я не хочу тебя сейчас видеть, потом поговорим.

— Ну и поеду! Надоело сидеть тут с вами, — Оля, гордо вскинув голову, направилась к выходу. — И да, мне ничего за это не будет, ибо я, как вы сказали, дворянка, и мне никто не указ, — добавила она.

Далее Оля слышала только как князь, с явным разочарованием, произнёс ей вслед, глядя, как она уходит:

— И это моя дочь... Что-то где-то я не доглядел...

«Знал бы ты, князь, кто я такая, не говорил бы так... Не твоя дочь и не буду ей никогда. И вообще я не отсюда! Меня насильно сюда забросила какая-то! Хотя здесь даже лучше — творю, что хочу, а на этих можно и внимания не обращать», — с этими мыслями Оля вышла из здания и подошла к повозке, которая стояла недалеко.

— Что-то случилось, Ольга Сергеевна? — спросил стоявший там маленького роста крестьянин пятидесяти лет — это

был Тихон Платонович, управляющий Волконских.

— Нет. Дашка где?

— Где-то тут ходит, скоро должна вернуться.

— Ладно, подождём, — ответила Ольга.

Даша пришла довольно быстро, через несколько минут, она была очень удивлена увидеть Олю сейчас именно здесь.

— Ваше сиятельство, что произошло-с, раз вы здесь? — обеспокоенно спросила она, поклонившись.

— Ничего, мы домой едем.

— А как же князь с княгинюшкой?

— Эти... Позже поедут. Князь велел мне домой ехать.

Крестьянка подала Ольге руку и помогла ей устроиться в повозке. Сама же села рядом с ней.

— Тихон Платонович, трогайте! — Дарья крикнула, и повозка двинулась.

* * *

Семнадцатилетняя княжна и двое крестьян ехали по пустой мрачной дороге из Марфино в Москву уже около часа. До Москвы оставалось примерно двадцать вёрст, кругом был лес и беспросветная темнота.

В густой темноте, между чёрными очертаниями деревьев по краям дороги, появились яркие огни, похожие на звёзды, но находившиеся необычайно близко. Их было около десяти штук, по крайней мере, столько Оля насчитала.

— Тихон Платонович, что там такое? — спросила Даша, указывая на приближающееся к дороге множество огненных

шаров, которые перемещались достаточно быстро, как будто их сложили в какую-то стеклянную банку и эту самую банку начали с силой трясти.

— А кто ж его разберёт, Дарьюшка! На пожар, вроде, не похоже, — ответил управляющий, глядя вперёд. — На дорожку высыпали...

— Может быть как-то объехать можно?

— Да как тут объедешь, тут другой дороги нет, — ответил Тихон, всматриваясь в дорогу.

— Может быть это всё-таки не опасно?..

— Ой не нравится мне это всё...

Огоньки, выстроившись в ряд, заполонили всё впереди, так, что проехать явно нельзя было. Эти шары как-то странно были расположены. Как выяснилось, они не лежали на земле, как показалось в начале, а висели в воздухе, будто их подвесили за верёвочки.

— Господи упаси... — с этой фразой, крестьянин резко остановил лошадей.

В ту же секунду огни окружили повозку и превратились в факела и держащих их людей. Хотя, конечно, изначально они ими и были, просто в темноте было трудно разобрать, что это, но сейчас, от близко находившегося огня, стало светло и всё видно. Двое из этих людей с двух сторон схватили Ольгу и потащили её куда-то в лес.

— Отпустите меня! Отпустите! Кто вы такие?! Вы не имеете права! — истошно визжала Оля и, брыкаясь всем телом,

пыталась выпутаться.

В попытках выбраться, она кого-то поцарапала и даже покусала, но вырваться так и не смогла, к тому же ей очень быстро чем-то заткнули рот и связали руки. Перед тем, как Оле ещё и завязали глаза, она увидела, как Дарья, громко крича: «Кто-нибудь, помогите!», пыталась драться с похитителями и вызволить свою госпожу. Управляющий крестьянин же где-то рядом лежал без сознания, ибо ему сразу же чем-то ударили по голове.

Боле Оля ничего не видела и не слышала, а тем более не знала, куда её тащили. Тащили княжну недолго, скоро её усадили куда-то, и она услышала стук копыт и скрип старых колёс. Её куда-то повезли.

Глава V.

Примерно через полчаса повозка остановилась, и Ольгу оттуда вывели. Её

куда-то завели и бесцеремонно бросили на пол, и только потом развязали руки, глаза и рот.

Помещение, в котором Олю оставили, было очень маленьким (не больше четырёх квадратных метров) и тёмным, ставни на единственном окне были закрыты. Из-за открытой двери в помещение просачивался блёклый свет свечей.

Оля, чуть привстав, подняла голову и увидела перед собой какого-то человека. Он был высокого роста и крепкого телосложения. Больше она не разглядела в нём ничего, ибо из-за темноты просто-напросто не было видно.

— По какому праву вы меня сюда привели? — важно заговорила Оля, с ненавистью глядя на силуэт человека. — Я дворянка, между прочим! — сдавленно вскрикнула она. — Или это он, князь этот, вас попросил за то, что я жене его правду сказала?

— Ты княжна Волконская, так? — заговорил человек, будто не слышав вопроса. Голос его был низок и весьма спокойен, он даже нисколько не дрогнул на её истошные крики.

— Да! Княжна! И почему я здесь? — с претензией, спросила она.

— Брат твой двоюродный — Василий Волконский проиграл в карты двадцать тысяч рублей, — начал он, но Оля перебила его: — А я тут причём? Я его даже не знаю!

— Да помолчи ты, договорить дай! — человек подошёл ближе, нагнулся к ней и продолжил тише: — Причём тут ты? А при том, что этот самый князь Василий пообещал, что заплатит за него его дядька, то есть твой отец. Поняла? А он не заплатил в установленный срок, — он поднялся и отошёл от неё. — Но ничего, заплатит, когда письмо от нас получит. — То есть как это... Вы меня в заложники взяли что ли? А между прочим личность человека охраняется Конституцией! А взятие в заложники наказывается по уголовной статье!

— Чем, чем охраняется?..

— Это же основной закон страны! — видимо, всё же за время обучения в школе Оля что-то усвоила если не из истории и литературы, то хотя бы из права, но из того же права

она не усвоила исторический аспект толкования права, который гласит о том, что право должно соответствовать исторической эпохе, опять же связь с историей. Но не стану забивать вам голову, дорогой читатель, скажу проще, Конституции в то время не было, думаю, вы и без меня это знаете.

— Я всегда знал, что все эти князья и графы странноватые, но не настолько... — человек выпрямился и направился к двери.

— Так, подождите, разговор не закончен! — Оля вскочила и побежала за ним, но не успела она даже сказать что-либо ещё, как дверь захлопнулась прямо перед её носом.

— Это беспредел! Откройте! — кричала княжна, пытаясь выломать дверь. Увы, она была достаточно крепкой, и все усилия Ольги были тщетны.

— Хорошо долбиться! А не то свяжу сейчас, — послышалось из-за двери.

— Ну и пожалуйста! — ответила Оля и, злостно пнув ногой дверь, отошла от неё.

«Хм... Тут же окно есть. Может быть разбить его, а ставни попробовать открыть?» — подумала она.

Оля подошла к закрытому окну и, разглядывая его, стала думать, чем его можно разбить. Окно было обыкновенное стеклянное с деревянной рамой. Ставни были сложены из досок и плотно закрыты.

«Чем же разбить его? Ничего даже не оставили...» — Оля стала оглядывать комнату, в которой не было вообще ничего.

Неожиданно в голову ей пришла мысль. Она аккуратно оторвала от низа подола платья кусок ткани и обмотала им одну свою сжатую в кулак руку, а после со всей силы стала бить в стекло, но даже после нескольких ударов оно никак не хотело разбиваться.

«Ну чего ты не бьёшься? Не евро-окна ведь... Ну разбейся ты!»

Наконец стекло слегка треснуло. Оля ещё раз ударила сильнее, и оно разбилось вдребезги.

«Так бы и сразу! Теперь надо открыть эти ставни... Но как? Может их тоже так сломать можно? У них же тут хлипкое всё».

За дверью послышались тяжёлые шаги, и Оля быстро отошла от разбитого окна подальше.

— Что за шум? — грозно спросил тот же человек, чуть приоткрыв дверь.

— Так, ничего особенного.

— Тихо сиди тут! — он вновь захлопнул дверь.

Ольга опять подошла к окну и попыталась сломать ставни, максимально тихо, но ничего у неё не вышло. И когда ей надоело бить их, она ушла от окна и присела, прислонившись к стене и оперевшись ладонями на пол.

«Что это?» — подумала Оля, почувствовав что-то под ладонью, и приподняла руку.

На полу лежала деревянная палочка.

«Ага!» — Оля сразу смекнула, что ей делать.

Взяв палочку, она вновь подошла к окну. Ещё при первом осмотре окна княжна увидела в ставнях приличного размера щели, что были между досок. Сейчас она вставила в одну из них палочку, которую подобрала с полу, и принялась шевелить ею то вверх, то вниз, в надежде, что хотя бы одна из дощечек сломается. От таких действий переломилась только сама палочка.

«Чёрт!» — чуть не вскрикнула Оля, но сдержала порыв чувств и только подумала так, и от злости бросила обломки на пол.

Далее она ещё пыталась расковырять этими остатками пространство между полом и стеной, царапала саму стену, только ничем это ей не помогало.

Вот так, собственно, в метаниях и попытках выбраться, прошла эта длинная ночь. Сквозь плотно закрытые ставни стали просачиваться тоненькие лучики света — наступило утро.

Оля вновь села на пол, облокотившись на дверь, и устремила взгляд на этот тонкий редкий утренний свет.

«Ну ничего, Волконский им заплатит. Он же без ума от меня. Заплатит и освободит меня!» — подумала Оля.

— Мерзавцы! Князь вытащит меня отсюда, поняли? — выкрикнула она.

Дверь открылась, и Ольга, чуть было не вывалившись из комнаты, отползла от неё. В помещение вновь вошёл тот же человек, которого Оля видела вчера ночью.

— Знаешь, что сказал твой отец? — с какой-то странной иронией и даже лёгкой насмешкой, заговорил он.

— Сам подумай, откуда мне знать... — недовольно ответила княжна.

— Он сказал, что теперь тем более платить не станет, когда мы тебя взяли.

— И что мне с того?

— А то самое, что не нужна ты ему! К барыне нашей сейчас пойдёшь! — мужчина грубо ухватил её за руку и поволок куда-то.

Он привёл её в какое-то другое помещение, гораздо более светлое и просторное, и бросил в ноги какой-то женщине лет сорока. Оля не рассматривала её внешность и не хотела этого делать, а только запомнила, что у неё светлые длинные волосы и острый вздёрнутый нос, а ещё она сильно походила на какую-то лису. Женщина эта сидела на стуле, закинув ногу на ногу.

— Ммм... Это ты у нас княжна Волконская? — с хитрой улыбкой, притворно сладко произнесла она.

— Да, княжна! — Оля приподнялась и гордо вскинула голову. — А вы кто такая?

— Ну я, конечно, не княжна, но тоже дворянка.

— А, так вы ниже меня по статусу?

— Ну даже если и так, что с того? Вон племянничек твоего отца целый князь, а проиграл моему сыну не князю такие деньги...

— А мне плевать! — с безразличием, ответила Оля, перебив её.

— Пойми, мне ни до твоего отца, ни, уж тем более, до тебя дела нет совершенно никакого, просто его племянник всю ответственность на него скинул, ему и отвечать соответственно. А коли денег много, князь ведь, пушай и платит.

— Завидуете, да? — намеренно растягивая слова и сатирически улыбаясь, произнесла Волконская.

— Завидую? Чему же, интересно?

— А тому! Не заслужили вы, значит, быть княжной или княгиней. Шиш вам, а не деньги по-хорошему!

— Какая наглость!.. — злостно произнесла женщина, демонстративно отвернув голову в сторону. — Я ведь не посмотрю, что ты княжна, — следом она обратилась уже не к Оле, а к высокому крестьянину, который до сих пор был там: — Женька, высеки эту бесстыдницу! Десять плетей ей для начала, а потом как пойдёт.

— Вы не имеете права! — закричала княжна от отчаяния.

Ольгу, как бы она не сопротивлялась, всё же вывели на улицу. Вывели её уже двое каких-то крестьян крепкого телосложения. Они привязали её к длинному деревянному столбу. Тот высокий крестьянин (именуемый Евгений), которого Оля, за последнюю ночь и утро, видела чаще всех, достал большой кнут и со всего размаху хлестанул ей по спине.

— Ах! Твари! Будьте вы все прокляты! — закричала Оля от невыносимой боли, пронзившей всё её тело насквозь. Она

попыталась выгнуться, но не смогла, ведь была крепко привязана.

Олю никогда не били, тётя издевалась над ней только психологически, поэтому такой сильной физической боли она ещё никогда не испытывала.

За один ударом последовал второй такой же.

— Горите вы все в Аду! — продолжала кричать она.

За вторым третий.

— Вам с рук это не сойдёт! Ах!

Далее четвёртый, пятый, шестой... Всего их было десять, но Оле показалось, будто их было сто. К десятой плети она была уже не в состоянии что-то кричать и брыкаться.

Её отвязали от столба и снова бросили в ноги к этой неприятной женщине, похожей на лису.

— Ну что, княжна моя, будешь ещё грубить мне? — зло усмехаясь, спросила она.

Оля, с трудом приподнявшись от боли, сковавшей всё её тело, отрицательно покачала головой.

— То-то же, — женщина некрасиво поддельно расхохоталась. — Коли отец твой не заплатит в установленный срок, не увидит тебя больше никогда, ибо оставлю я тебя своею крестьянкою. А сейчас чтоб я про тебя больше не слышала. Увести с глаз моих! — скомандовала она, махнув рукой в сторону.

Её увели обратно в то маленькое тёмное помещение и, бросив на пол, вновь заперли.

После десяти ударов плетью Ольга не могла пошевелиться, оттого неподвижно лежала на животе, в той же позе, как её кинули туда. Было ощущение, будто спину искромсали ножом, а не кнутом.

«За что? Меня — княжну! Да как они смеют только! Хотя я ведь на самом деле никакая и не княжна... Я ведь из другого времени. Я просто обычная ленивая ученица, которая не хотела учить историю... А ежели меня никто и не спасёт? Я что, навсегда тут, у этой жестокой женщины? Нет! Этого быть не может! Раз уж я попала сюда — я княжна! Меня все любят! Но ведь Волконский отказался платить... Ему на самом деле нет до меня никакого дела. Да. Значит, я здесь навсегда», — думала Оля, тихо постанывая от боли и своей безвыходности.

Впервые она почувствовала себя такой беспомощной и ничтожной. Раньше, когда ещё в двадцать первом веке Александра Константиновна постоянно упрекала её, Оля чувствовала только ненависть к ней и что она явно этого не заслуживает. Она считала себя выше этого всего и постоянно чувствовала собственную важность и превосходство. А сейчас ей даже показалось, что она заслужила всё это. Оля вспомнила, как грубила Дарье, Марии Николаевне, князю Волконскому и даже Марине Галкиной и своим одноклассникам из двадцать первого века. Она грубила людям, которые были рядом с ней, просто так, просто потому что ей так хотелось, ей нравилось унижать людей, унижать также, как

унижала её тётя. Разумеется, такую не самую приятную личность и сформировало это.

Ольга не помнила родителей, она помнила только Александру

Константиновну, которая с самого детства не произнесла в адрес племянницы ни одного доброго слова. Сначала Оля негодовала — она не понимала, почему заслужила такое обращение к себе. А потом Оля, посчитав тётю ненормальной и невидящей, какая же она великолепная, почувствовала себя «королевой мира» и стала вести себя также. Да, это было защитной реакцией, но в чём виновата Марина, Дарья, Мария Николаевна и все остальные? Разумеется, ни в чём. Хотя отчасти не виновата и Оля, но лишь отчасти, ибо это она сама считала себя лучше других и перестала «быть человеком», уподобляясь тёте, которая обращалась с ней так и которую Ольга сама же и ненавидела.

Оля, с трудом, сквозь боль, села и достала из кармана тёмно-красный медальон.

Она, взглянув на него, надрывно прошептала:

«Говорила ведь Дама, что я сама виновата... Но почему я не возвращаюсь назад, если я поняла, что была не права? Стало быть, и она обманула меня...»

Сжав в руке медальон, она вновь легла на пол и, уложив голову набок, тихо заплакала. Нет, ей нисколько не было себя жаль, просто Оля осознала, как ошибалась.

Раньше она, как мы знаем, считала себя лучшей и имею-

щей право так обращаться с людьми, как Александра Константиновна с ней, а сейчас Ольга поняла, что она никто. Всего лишь никто.

«Да, я никто в этом мире» — так она и думала.

Ольга не хотела больше долбиться об дверь или пытаться пробить ставни, ибо не хотела больше бороться. Оля просто смирилась с судьбой и жалела, что поняла всё слишком поздно. Но ведь лучше поздно, чем никогда? Хотя может быть ещё и не так уж поздно, ведь это лишь пятая глава, мой дорогой читатель, но Оля-то об этом не знает.

Впрочем, чего просто так рассуждать, ежели вся философия и так ясна как белый день, но загадок от этого меньше не становится, а лишь наоборот.

Мы уже знаем, что Оля поняла свою неправоту и ещё много чего, но достаточно ли этого? Почему же она тогда не вернулась обратно? Неужели Загадочная дама действительно обманула Олю или она просто ещё так и «не набралась ума»?

Не только об этом, но и о другом размышляла Оля, пока лежала одна в этом мрачном тесном помещении. Она думала и над тем, что же представляет из себя магический медальон, как эта дама переместила её в прошлое и кто она вообще такая. Ольга думала и над тем, почему Волконский отказался платить и всё-таки пришла к выводу, что у него другой план, и он вызволит её отсюда и без этих денег. Также княжна размышляла и о том, кем может быть её мать и где она

сейчас находится. А вдруг её также кто-то похитил, а князь не спас её? А может быть её никто не похищал, а она просто умерла от болезни. Или же они с Волконским просто расстались, поняли, что не подходят друг другу, дочь он оставил при себе, а её мать сейчас живёт где-то далеко, а возможно и совсем рядом.

Загадок было очень много. Обо всём Оля успела поразмыслить, но ответов ни на что так и не нашла.

Глава VI.

Время за душевными терзаниями и рассуждениями неприятно медленно

тянулось, а бессонная ночь всё-таки дала о себе знать, и Оля, вот так, лёжа на полу, сама не заметила, как заснула. Ей снился реалистичный и весьма необычный, совсем не вяжущийся с недавними событиями, сон.

Большой светлый сад.

Оля идёт по тропинке, среди цветущих деревьев, прямо по осыпавшимся лепесткам цветов. Вокруг ни души. Ей так легко и хорошо, единственное, что мешает — это нить на мизинце левой руки, которая, как оказалось, тянет её в противоположную сторону. Изначально она её даже не заметила, хотя и не понимала, что же мешает ей идти.

«Что это такое?» — подумала княжна, принявшись разглядывать нитку.

Нить эта была странной, цвета она не имела, но каким-то образом была видима, а ещё от неё исходило ка-

кое-то, как будто волшебное, сияние.

Волконская хотела просто снять с пальца завязанную нить, ведь, как казалось, привязана она была слабо, но ничего не вышло. После Оля решила оторвать её, но и эта попытка не увенчалась успехом, нитка была достаточно прочной. Тогда ей пришла мысль о том, чтобы найти конец этой нити — пойти в ту сторону, откуда она тянется, и понять, кто и зачем привязал к её пальцу эту непонятную нить. Идти пришлось весьма долго, но конца нити так и не было.

Наконец Оля вышла на небольшое пространство, не закрытое деревьями и освещённое тёплыми лучами яркого солнца.

Около него, под большим цветущим деревом, раскинувшим свои ветви над землёй, была старая скамейка, на ней, в тени веток, сидел какой-то мужчина, лица его видно не было, ибо сидел он к Оле спиной, единственное, что бросалось в глаза, — его русые волосы; нить тянулась к нему. Княжна, как ей показалось, никогда раньше не видела этого человека.

«Неужели это он привязал меня? Но зачем же?» — подумала Ольга и сделала шаг вперёд, чтобы подойти к нему.

— Остановитесь, княжна, — как-то слегка взволнованно произнёс он, положив на спинку скамьи свою левую руку, на мизинце которой был привязан другой конец той самой нити. Было видно, что все пальцы на его руке отчего-то сильно дрожали, даже несмотря на то, что руку он поло-

жил, а не держал на весу.

— Это вы привязали? — уверенно спросила Оля, указывая на нитку.

— Нет, — коротко ответил он, на этот раз голос его был гораздо спокойнее.

— Ежели так, зачем вы велели мне остановиться?

— Я, увы, обречён. Мне уже подписан приговор... — с явным разочарованием, проговорил мужчина, опустив голову.

— Что вы говорите? Что всё это значит?

— Но вас я избавлю от этого, Ольга. Вы не будете привязаны! — он, не слушая её, откуда-то достал старые железные ножницы и попытался перерезать нить, но она, на удивление, осталась невредимой.

— Я пробовала и снять, и разорвать, но не вышло.

— Я сожалею, ибо это навсегда, но, видно, от судьбы не уйдёшь... — сказал он, тяжело вздохнув и убрав руку со спинки.

— Кто вы такой? — только и успела спросить Оля.

— Вставай! — эта, грубо и громко, сказанная фраза разорвала её сон, и она так и не услышала ответа на свой вопрос.

Оля, невзирая на то, как сильно ей этого не хотелось, резко вернулась в мрачную действительность и открыла глаза.

Дверь была открыта, а перед ней стоял высокий крестьянин Женька, который успел ей ужасно надоесть за короткое время, в одной руке его была большая горящая свеча.

— Вы и без того унизили меня, чего вам нужно ещё? —

с нескрываемой ненавистью спросила княжна, чуть приподняв голову.

— Работать будешь.

— Разве установленный срок уже прошёл, и я крестьянка?

— Нет, — недовольно ответил крестьянин, поставив на пол какой-то ящик, а на него ту свечу, сравнительно большого размера, и чашку с водой.

— Тогда я ничего делать не буду.

— Будешь ещё как! Не будешь же ты в эти три дня без дела тут сидеть. Вот, бери, зашей, барыня велела, чтоб до вечера было всё готово, — он положил рядом с ящиком какую-то вещь, моток ниток и большую толстую иглу.

«Значит, князю дали три дня... Получается, что время ещё есть», — пронеслось у Оли в голове.

— А если я не умею?

— Твои проблемы.

— Отчего же мои? Я ведь могу случайно испортить.

— Только попробуй, лично с барыней разговаривать будешь!

— Не сойдёт вам это с рук... Волконский ведь сметёт вас всех, если вы ещё меня тронете, хотя уже за то, что вы сделали, вам всем достанется. Вашей барыне в первую очередь!

— Ежели захотел бы, уже бы смёл.

— А может быть он специально выжидает?

— Глупости, — с этим Женька вышел, закрыв за собой дверь.

Оля вновь опустила голову на пол. Она чувствовала жгучую боль во всей спине, а ещё то, что истекает кровью. По хорошему, конечно, её раны следовало бы сейчас обработать и перевязать. Правда об обработке в таких условиях не могло идти и речи, но перевязать-то можно, только вот чем же?

«Подол платья», — сразу же подумала Ольга.

Она, стиснув зубы, сквозь боль, попыталась сесть. После нескольких минут мучений у неё это всё-таки получилось. Оля, немного отдышавшись, оторвала от подола кусок побольше, оставляя на себе небольшую как юбку, и обвязала им себя со спины, связав концы узлом и оставив его под грудью. Тяжело это, конечно, было, во-первых, весьма неудобно, а во-вторых, очень больно.

«И кто бы мог предвидеть?» — подумала Оля, тяжело вздохнув.

Она взяла чашку с водой и сделала небольшой глоток, остальное решила оставить на потом и поставила обратно, на деревянный ящик.

«Надо перестать думать обо всём этом...»

Ольга решила отвлечься от боли и дурных мыслей и исполнить то, что ей приказали, к тому же опять разговаривать с этой злой лисоподобной барыней ей совсем не хотелось. Она взяла кусок ткани, который принёс крестьянин, нитки и иголку. Ткань эта оказалась льняным крестьянским сарафаном, порванным сбоку по шву.

«Откуда его эта барыня достала? Специально для меня

что ли? Ей что, делать нечего?»

Оля взяла нитку и ещё какое-то время пыталась вдеть её в иглу. Сделав это и завязав на конце нити узелок она проткнула ею ткань, при этом ещё и вонзив иголку себе в палец.

«Да какого... М!...» — зажмурившись и вжавшись в стену, Оля издала глухой сдавленный стон и сжала руки в кулаки.

Чего таить, шить она на самом деле не умела. В школе на уроках технологии их учили шить, но эти знания и навыки она не усвоила ни в коем разе.

«Будьте вы прокляты!» — выругалась Волконская и, чтобы не заляпать кровью сарафан, отыскала на полу кусок подола своего платья, каким она заматывала кулак, когда разбивала стекло, и обвязала им уколотый палец.

Оля снова взяла иглу и проделала то же самое. На этот раз ни один её палец не пострадал, и она, соединив два края ткани, просунула иглу с другой стороны.

Вот так, с горем пополам, за целый час, зашила она эту несчастную дыру, правда уколола ещё два пальца на той же руке, которые потом тоже обмотала тканью, и про себя успела обругать всех, кого только могла.

Сшила Оля, конечно, очень криво, но всё же сшила. Душевно вымотавшаяся от этой работы она отбросила всё это шитьё подальше и прислонилась к прохладной стене.

«Что бы там не было, а выбираться отсюда надо...» — Оля взглянула на закрытое ставнями окно, около которого до сих пор лежали осколки стекла.

Кажется, высокий крестьянин, в этой полутьме, даже и не заметил, что окно было разбито.

«А может быть мне поджечь эти ставни? А коли заметят, то меня точно опять высекут...

Но может быть стоит попробовать? Или нет?..»

Сейчас в душе Оли был конфликт: сидеть смиренно и ждать, пока её спасут без последствий, но ежели не спасут, то она останется тут навсегда или попробовать выбраться и сбежать без ожидания, но если поймают, то, скорее всего, дадут ещё плетей и запрут покрепче. Выбор был сложный, ведь и то, и другое не предвещало ничего хорошего.

Долго думая, княжна, несмотря на своё весьма плачевное физическое состояние, всё-таки выбрала второе, ибо этот вариант всё-таки вселял хоть какую-то надежду, да и тут она полагается только на себя, а не кого-то.

«Коли поймают, хуже не будет, хотя это ещё с какой стороны посмотреть... Но ладно, как есть, так и есть. А коли нет, так я сбегу отсюда, главное, вести себя осторожно», — с этими мыслями Оля встала и, решительно взяв свечу, поднесла её к ставням. Они тотчас же вспыхнули ярким пламенем.

Она быстро поставила свечу на пол и пододвинула ящик к двери. Дерево прогорело довольно быстро. Оля выплеснула воду из чашки на огонь, и он погас. Она, обжигая руки о недогоревшие доски, но не обращая на это никакого внимания, быстро сломала их и вылезла в окно.

Из окна Оля попала в сад, в котором стоял роскошный барский дом. То место, где её заперли, было каким-то ветхим пристроен к этому самому дому. Вся территорию окружал высокий деревянный забор.

За пределами тёмного замкнутого помещения, было так небывало замечательно и прекрасно.

Окрашивая деревья в красно-оранжевые оттенки, светило ласковое солнце, отчего было довольно тепло, но оно уже клонилось к закату — это говорило о том, что дело было к вечеру. Деревья в саду приятно шумели от лёгкого свежего ветерка, шевелившего их. Только вот, к сожалению, наслаждаться всеми этими прелестями природы не было времени.

«Куда же теперь?» — только и успела подумать Ольга, как, сравнительно недалеко от себя, увидела высокого крестьянина.

Она, не успев ничего боле сообразить, быстро спряталась за мешки, удачно лежавшие рядом.

«Вот куда его понесло именно сейчас? Не раньше, не позже...»

Он почему-то резко остановился и огляделся по сторонам, но, не заметив или не захотев замечать ничего подозрительного, пошёл дальше и завернул за угол дома.

Оля дождалась, пока крестьянин совсем не скроется из виду, и вышла из своего убежища.

«Что делать дальше? Только через забор, ибо свобода там», — Оля подтащила один тяжёлый мешок к забору и за-

лезла на него. Она подпрыгнула и ухватилась за верх забора.

— Куда собралась? — тут же послышалось сзади.

Оля замерла от неожиданности и обернулась. Прямо за ней стоял Евгений, на поясе у него висел кнут.

— Ну... Прогуляться, — с кривой улыбкой, ответила она и, отцепившись руками от забора, упала на землю.

— Сбежать хотела? Ишь чего удумала! — крестьянин крепко схватил её за руку и куда-то потащил.

— Опять сечь будете?

— Приказа такого не было.

Как оказалось, он привёл Олю обратно, в то маленькое и тёмное помещение.

— Ты сделала, что было велено? — громко и грозно, спросил Женька.

— Да, — она отдала ему сарафан и нитки с иглой.

— Ещё чего вытворишь — сообщу барыне! Ещё плетей получишь!

— Разве я вам не говорила о последствиях?

Крестьянин, не ответив ничего, вновь вышел и запер её.

И на что Оля вообще надеялась? Разумеется, ни на что, она просто попыталась сбежать, но ничего не вышло. И это она ещё очень легко отделалась, и её не высекли.

Очнувшись от манящей идеи побега, Оля почувствовала боль с новой силой. Спина, утром избитая плетью, невыносимо болела, обожжённые руки и обколотые пальцы тоже. К тому же Оля, когда упала с забора, ударилась ногой, так что

теперь болела ещё и нога.

Ольга легла на живот и сомкнула веки. Она почему-то была уверена, что её никто не спасёт. Оля, конечно, теперь поняла всё, но теперь она ещё и разочаровалась, по-настоящему.

Оля попыталась уснуть, чтобы время шло быстрее, но, как назло, не получалось. Княжна стала вспоминать свой недавний сон и размышлять над тем, кто был тот человек, что за приговор ему подписан, а также что он имел в виду, когда говорил: «от судьбы не уйдёшь», и наконец что за нить связывает их.

В рассуждениях обо всём этом она всё-таки заснула. В этот раз никаких сновидений не было.

Глава VII.

Разбудили Олю чьи-то громкие шаги, казалось, будто где-то совсем рядом кто-

то куда-то бежал. Она открыла глаза и оглядела тёмное помещение, дверь была заперта, окно всё ещё было заколочено, а возле него также лежали осколки разбитого стекла. В комнате никого не было. Через приколоченные доски не было видно, светло или нет, но по ощущениям это была глубокая ночь.

«Что это? Неужто мне уже мерещится?» — подумала Ольга.

Всё её тело ныло от боли, а мысли смешались в какую-то кашу и вызывали боль ещё и в голове. Оля, с трудом, под-

нялась и села, прислонившись к стене. Она стала прислушиваться.

Шаги участились и стали ближе, но в один момент остановились. Через долю секунды дверь со скрипом отворилась, и в помещение, постукивая каблуками сапог, вошёл какой-то человек — это был не тот высокий крестьянин, но точно мужчина. Очертания его фигуры показались Оле довольно знакомыми, правда вот разобраться, кто это, она не смогла, ибо было темно как в комнате, так и в коридоре, и никакой, даже самый тусклый, свет не просачивался сквозь открытую дверь.

— Здесь есть кто-нибудь? — приглушённо произнёс мужчина. Голос его был низкий грубый, но ещё более знакомый, чем силуэт...

— Этого не может быть... — тихо, сквозь наворачнувшиеся на глаза слёзы, прошептала Оля. Она поняла сразу, кем был этот человек.

Князь Волконский замер на месте и стал прислушиваться. Уж не послышался ли ему этот неразборчивый шёпот?

— Олие, ты здесь? — громче спросил Волконский. — Или мне уже кажется... — тише и с разочарованием, добавил он.

— Я, я... Я здесь, — прошептала княжна, всхлипнув.

Князь взглядом отыскал дочь в полутьме и, подойдя к ней, аккуратно, но крепко, обнял её.

— Отец... Я, я была неправа, я знаю! — произнесла княжна, не контролируя слёз и не обращая внимания на сильную

боль в спине.

Оля сама не ожидала от себя, что так назовёт его, но этот человек показался ей самым родным на всём белом свете. Она осознала, как не ценила его и как на самом деле любит его.

— Что? Что они сделали с тобою? — с беспокойством, спросил Волконский.

— Ммм... Вы... Вы-секли. П-плетью, — ответив это, Оля прямо у него на руках потеряла сознание от боли, которая со вчерашнего дня не прошла, а отчего-то только усилилась.

Она не знала, что было дальше и куда отец понёс её. Очнувшись Ольга уже дома, в своей родной комнате и на своей большой удобной кровати. Теперь уже точно была ночь — это было видно через плотные шторы; помещение освещалось несколькими свечами. Князь Волконский сидел в кресле рядом с Олей.

— Как ты себя чувствуешь? — сразу спросил он, увидев, что дочь пришла в себя.

— Ничего, явно лучше, чем было... Но у меня один вопрос, как же вы нашли меня, если отказались платить им?

— У меня был свой план... Но следует отдать должное крепостной Дарье, ибо она проследила за этими людьми и доложила нам.

— Дарье?... Они не убили её? Что с ней сейчас? — взволнованно спросила Оля.

Она совсем неожиданно вспомнила о служанке, которую

подсознательно считала убитой, и как-то резко ей стало жаль её, что бы там ни было.

— Она отдыхает, ей сильно досталось... Днём проведешь её, — как-то нехотя ответил князь.

— А этот, как его... Тихон?

— Он тоже жив, ему досталось меньше, да и помощь ему быстрее оказали.

— Ну и слава Богу, что все живы, — первые за всю жизнь Олю так волновала судьба других людей.

— Главное, что с тобою теперь всё хорошо. Отдыхай. Спокойной ночи, — с этими словами Сергей Григорьевич вышел, закрыв за собой дверь, и Оля вновь осталась одна, теперь уже только в своей комнате.

«Ну наконец-то эта история закончилась, все живы, пусть и не совсем здоровы, но самое главное, что живы. Теперь и спать можно спокойно!» — это были её мысли перед тем, как она погрузилась в крепкий сладкий сон.

Проснулась княжна рано утром. Когда Оля открыла глаза, она сразу, дабы убедиться в том, что всё произошедшее ночью не сон, и её действительно спасли, внимательно оглядела помещение, в котором находилась. К счастью, всё оказалось явью, и Оля была сейчас в своей комнате в доме отца.

«Слава Богу, всё-таки не сон!» — подумала она, выдохнув с облегчением.

Оля встала с кровати и сдвинула шторы в сторону. Тёплые лучи весеннего солнца сразу же залили комнату светом.

Княжна открыла створку окна и вдохнула свежий прохладный воздух. Что интересно, сейчас у неё совсем ничего не болело и было так небывало хорошо, что она даже решила выйти из комнаты и, накинув на себя лёгкий халат, направилась к двери.

Открыв её, Оля увидела перед собой какую-то крестьянку, которую раньше никогда не видела. Она была среднего роста, чуть полноватая и темноволосая, глаза у неё были не то зелёные, не то серые, одним словом, серо-зелёные.

— Кто ты? — удивлённо спросила Оля.

— Аксинья я, крепостная, — поклонившись, быстро ответила она. Голос её был очень звонок и мягок, ещё более мягок, чем у Даши.

— А я тебя раньше не видела.

— Я с рождения, Ваше сиятельство, у князя в собственности, а в дом к себе господин меня недавно взял-с, раз с Дарьюшкой такое случилось-с...

— То есть ты тут, пока она не выздоровеет?

— Нет-с, я навсегда здесь — так Их сиятельство князь велел-с.

— Ладно, хорошо. Кстати, как она, Даша?

Крестьянка тяжело вздохнула, покачала головой и тихо, даже как-то испуганно, ответила: — Плохо, госпожа... Весьма.

— И где она сейчас?

— Я провожу-с вас, только вам нужно одеться-с. Какое

платье принести-с вам?

— Ой, точно! Да любое, какое под руку попадёт, — ответила Оля. — Только чтоб без корсета! — добавила она и скрылась за дверью.

Через пару минут Аксинья принесла Оле зелёное закрытое платье, которое помогла надеть ей. Потом она привела княжну на первый этаж, в крестьянский уголок.

— Здесь, княжна, — крестьянка указала на старую деревянную дверь.

— Благодарю.

Оля прошла в маленькую, но весьма светлую, горницу и ужаснулась, увидев Дарью в таком состоянии.

Бойкая крестьянка, которую она всегда привыкла видеть в движении и жизни и которая всегда справлялась со всем, сейчас, уложив свои худые руки вдоль тела, лежала на кровати с замотанной головой, глаза её были закрыты. Она тяжело дышала и была очень бледна, а ещё на её руках и лице были заметны царапины и кровоподтёки.

Княжна присела рядом и просидела около служанки минут пятнадцать.

Она уже собралась уходить, как Даша совсем неожиданно открыла свои синие глаза и, увидев княжну, болезненно улыбнулась.

— Ольга Сергеевна! Княжна! — с восторгом, произнесла Даша. — Вас спасли-с! Слава Богу! — от радости она даже хотела чуть привстать, но Оля остановила её.

— Не вставай, тебе не нужно пока. Знаешь, я хочу сказать тебе спасибо, ибо, если бы не ты, я бы сейчас сидела не здесь... А в другом месте.

— Это мой долг, Ваше сиятельство, — взгляд крестьянки бросился на замотанные руки Оли. — Что у вас с руками? — испуганно спросила она.

— Ничего страшного, это ерунда. Ты-то как чувствуешь себя? Только честно давай!

— Нехорошо, но терпимо, Ваше сиятельство, голова только сильно болит-с, — ответила Дарья, тяжело вздохнув.

— Расскажи, как всё было, а то мне глаза завязали, и я ничего не видела.

— Эти люди схватили-с вас. Я пыталась вытащить-с вас. Потом они меня как раз и по голове ударили-с... Но я сознание не потеряла-с, — крестьянка резко остановилась, оттого что закашлялась.

Оля из рядом стоящего кувшина налила воды в стакан и подала ей.

— Благодарю-с вас, Ваше сиятельство, — она взяла стакан и выпила всю воду, а потом продолжила: — Потом я поняла-с, что смысла в этом нет и решила бежать-с, дабы может позвать-с на помощь кого-то. Они почти догнали-с меня, но там был-с обрыв небольшой, я прыгнула-с туда. Они думали, я разбилась-с, а я только руку сломала-с, и они ушли-с. А я за ними следила-с, а потом сообщила-с батюшке вашему.

— Понятно... Да ты настоящий герой, раз с такой раной

ещё следила за ними и отцу сообщила потом.

— Да какой же я герой, я же говорю-с — это мой долг.

Оля, вздохнув, виновато опустила взгляд и заговорила, переводя тему: — Знаешь, ты прости меня, что я с тобой так грубо раньше разговаривала. Я знаю, я была не права.

— Ничего, княжна. Я на вас не в обиде, ибо есть-с помещики более жестокие, чем вы.

— Да, я знаю, я видела... Ладно, не буду тебя сильно загружать, у тебя и так голова болит, тебе отдыхать сейчас больше нужно.

— Благодарю-с вас. Я приступлю-с к делам, как встать смогу-с.

— Нет, ты не приступишь к делам, пока совсем не поправишься, ведь это всё очень серьёзно. Поспи ещё пока, а я пойду, потом приду к тебе ещё.

Оля, больше не говоря ничего, вышла из комнаты.

— Ну как, Ваше сиятельство? — с надеждой спросила Аксинья, которая всё это время стояла за дверью.

— Ай, да... Плохо! — княжна разочарованно махнула рукой. Теперь она поняла, почему и князь, и Аксинья ничего внятного о Дарье не говорили. — Скажи всем, кто её лечит, я приказала, чтобы за ней хорошо присматривали. А ещё ей бы, по-хорошему, обработать ссадины на руках и лице...

— Всё сделаем-с, Ольга Сергеевна, всё сообщу-с.

— Слушай, у меня тут вопрос такой... — неуверенно начала Оля, ибо думала над тем, стоит ли вообще спрашивать

о таком. — А она жить-то будет?

Крестьянка на вопрос ответила не сразу, а только через минуту или около того: — Не знаю-с, госпожа, но, думаю-с, что да, раз она жива до сих пор.

— А сколько ей лет?

— Двадцать четвёртый год, на два года старше меня.

— Двадцать три, значит... А есть у неё кто-нибудь? Ну там родные или муж может быть?

— Родных нет-с, мужа — тоже, но её любит-с Андрей, он тоже крепостной и здесь служит-с у князя. Он, как узнал-с, что она пропала-с вместе с вами, так места себе найти не мог-с. А потом так хотел-с увидеть её! Но его не пустили-с.

— Андрей... — Волконская ненадолго задумалась, пытаясь вспомнить, где же она слышала это имя. — Слышала о таком, — Оля вспомнила, как в тот вечер, в который она только попала сюда, Даша в разговоре с князем упоминала какого-то Андрея, который тогда доставил Волконскому письмо от князя Трубецкого. А также об Андрее Дарья говорила камердинеру Петьке. — А она любит его?

— Любит-с, кажется.

— Ну тогда пусть его временно освободят от обязанностей, он с ней рядом побудет, может это как-то поможет ей.

«Что же, интересно, есть любовь? Я слышала, любовь творит чудеса, но как она это делает? Что она вообще из себя представляет?»

— Это, Ваше сиятельство, только князь решить может-с,

— с грустью, ответила Аксинья.

— Князь, говоришь?.. Хм... Ну я поговорю с ним, меня он точно послушает, тебе сразу скажу, если что, а пока свободна. Хотя постой, а ты не знаешь, где княгиня, у себя или нет? — Здесь внизу.

Оля направилась в гостиную. Там на диване сидела Мария Николаевна в лёгком тёмносинем платье, поверх него была накинута тёплая пуховая шаль. Княгиня вышивала по ткани.

Ольга, тихо и осторожно, подошла к ней и присела рядом.

— Мария Николаевна, можно с вами поговорить? — вежливо спросила княжна.

— Слушаю тебя, — слегка равнодушно ответила княгиня, ни на секунду не отрываясь от своего дела.

— Я бы хотела перед вами извиниться за то, что грубила вам просто так. Я понимаю, вы можете злиться, но я была неправа и признаю это. Я не знаю, может быть поздно уже... Но я всё-таки хотела бы наладить с вами отношения.

— Я не держу зла на тебя, — Мария Николаевна, с улыбкой, взглянула на Олю. — А то, что ты осознала свою неправоту — это очень хорошо, это значит, что ты не плохой человек. И лучше поздно, чем никогда, — она отложила вышивку и повернулась к ней. — Как ты себя чувствуешь? Князь говорил, что они секли тебя плетью...

— Гораздо лучше. Со мной-то ничего, Дарья вот совсем плохо...

— Да, жаль её, конечно, но крестьян ведь много, а ты у

князя одна дочь.

— Много, но каждый из них тоже человек... Да и я обязана ей, ведь именно она помогла вытащить меня оттуда.

— С нею всё будет хорошо, я отчего-то уверена в этом, — ответила Мария Николаевна, устало вздохнув и снова взяв свою вышивку.

— Я пойду к себе, наверное, — Оля, поправив подол платья, встала с дивана.

— Ежели захочешь побеседовать или душу излить, приходи ко мне в любое время.

— Да, да, хорошо, обязательно, — ответила Оля и отправилась наверх, но перед тем, как идти к себе, она решила зайти к князю и поговорить с ним о Дарье и Андрее.

— Батюшка, могу ли я войти? — спросила Оля, приоткрыв дверь кабинета отца.

Князь Волконский, в окружении кучи бумаг, сидел за столом и, явно погружившись в своё дело, что-то быстро писал.

— Входи, — ответил он, не отрывая пера от листа. — Ты что-то хотела?

— Да... У меня к вам просьба есть.

— Какая просьба? Присаживайся пока, милая.

Княжна присела на кресло, что было недалеко от стола.

— Вы не могли бы на время, пока Даша не выздоровеет, освободить от дел вашего крепостного Андрея, который тоже здесь служит.

— Какое отношение это имеет к делу?

— Понимаете, они любят друг друга, и может быть, если он будет рядом с ней, она поправится быстрее. Да и вообще, я думаю, следовало бы их поженить, но это позже.

Князь отложил перо и задумался. После нескольких минут раздумий он вынес свой вердикт:

— Просьбу я твою выполню, коли ты так желаешь. Насчёт свадьбы пока ничего сказать не могу, подумаю над этим, когда время будет.

— Благодарю вас. Я могу идти?

— Ежели у тебя нет ещё каких-либо пожеланий, то да.

Оля, вышедши из кабинета, чуть не вlepилась в Аксинью, которая неизвестно откуда взялась там сейчас.

— Ты преследуешь меня или что? — возмутилась княжна.

— Простите-с, Ваше сиятельство, — виновато заговорила она, предварительно поклонившись. — Марья Николаевна велела-с передать вам, дабы вы зашли-с к ней сейчас.

— Так я же только что разговаривала с ней... — Оля была весьма удивлена. — Случилось чего что ли?

— Княгиня не сказала-с мне.

— Ну зайду, раз просит. Кстати, передай этому Андрею, что, пока Дарья не выздоровеет, он освобождён от всех обязанностей и может присматривать за ней.

— Как же? — крестьянка от радости и удивления расплзлась в улыбке. — Нешто вы с Сергеем Григорьевичем договорились-с?

— А ты сомневалась во мне? Ладно, иди, занимайся сво-

ими делами.

Аксинья поклонилась и ушла.

«Интересно, что же этой княгине ещё надо от меня?» — с этой мыслью пошла Оля к Марии Николаевне. Её комната как раз была недалеко от кабинета князя и идти долго не пришлось.

Оля осторожно постучала в дверь.

— Входите, — послышалось из-за двери.

Княжна вошла в комнату княгини, в которой никогда прежде не была.

Комната была очень просторной, гораздо просторнее, чем её, и светлой. У стены стоял старый шкаф с книгами, в одном углу стояла большая кровать, а в другом, около фортепиано, стол. Мария Николаевна сидела за этим самым столом и держала в руках какую-то книгу.

— Это ваша комната? — спросила Оля, с любопытством, оглядывая всё вокруг.

— Вообще моя и князя, — ответила княгиня. — Правда Сергей Григорьевич здесь только спит и бывает редко, да и вообще он дома редко... — слегка разочарованно добавила она.

— Аксинья сказала мне, что вы меня звали.

— Да, я тебя звала. Я тебе ещё кое-что не сказала. Посмотри, — Мария рукой указала на большой книжный шкаф, — ежели захочешь что-то почитать, приходи и бери себе любую книгу. В гостиной тоже есть книги, но их там немного, здесь

гораздо больше.

— А князь против не будет? — спросила Оля, а сама подумала: «Я и читать-то даже не люблю...»

— Отчего же? Я ведь уже сказала, что он здесь бывает редко.

— Ну... Хорошо. Я могу идти?

— Да, да, я и так тебя потревожила.

— Ничего страшного, — Оля вышла в коридор и направилась к себе.

Глава VIII.

С тех самых неприятных событий миновало чуть меньше месяца — это время

прошло достаточно спокойно, наступило третье апреля. Почему я, как автор, сделала акцент именно на этой дате? По одной простой причине, у нашей Ольги в эту самую дату день рождения. Что же, долой всяческие отступления, переходим к делу.

Тогда было самое обыкновенное утро, около десяти часов. Оля, погружённая в сладкие дворянские сны, ещё спала и пока даже не думала просыпаться.

— Ваше сиятельство, просыпайтесь-с скорее! Вас уже все ждут-с! — услышала она сквозь сон.

Ольга неохотно открыла глаза. В расплывчатой картине мира она увидела только крестьянку Аксинью.

— Что?.. Кто? Где ждёт? — сонно пробормотала Оля, сев на кровати. Кажется, она всё ещё спала и попросту не успела

проснуться и войти в эту реальность.

— Сегодня ведь третье апреля, ваш день рождения, вы забыли-с?

— День рождения?.. — Оля на миг зажмурилась. — Точно! — она, будто её ударило молнией, резко вскочила с кровати, весь её сон куда-то пропал. — Так, готовь мне платье. Фиолетовое с длинным рукавом.

— Как пожелаете-с, — крестьянка поклонилась и вышла.

«Надо же, и здесь третьего апреля, как и в двадцать первом веке... Ничего не изменилось. Только вот, а как же старый и новый стиль? Хотя какая разница!»

Оля подошла к зеркалу и стала разглядывать в нём своё отражение. Раньше ей никогда не нравилась её внешность, но теперь она казалась себе довольно симпатичной. Сейчас из зеркала на Олю глядела красивая черноволосая кареглазая девушка среднего роста и худого телосложения, её прямые волосы за два месяца нахождения в девятнадцатом веке отросли и были уже не до плеча, а до лопаток. Оля, рассматривая себя, подметила, что длинные волосы ей всё-таки больше к лицу, чем короткие.

— Княжна, ваше платье готово, — пока Ольга смотрелась в зеркало, Аксинья уже успела вернуться.

— Хорошо, — Оля повернулась к ней. — Прибери мои волосы.

Крестьянка прибрала волосы княжны в причёску и помогла ей одеться. После этого Оля спустилась в гостиную, где

было много людей, многие из которых, завидев её, поприветствовали и поздравили. Единственная, кого княжна узнала из всех — это Мария Николаевна. К ней она и подошла, ответив гостям многочисленным «спасибо».

— Доброе утро, Olie, — произнесла княгиня с улыбкой.

— Доброе, Мария Николаевна.

— С днём рождения тебя. Тебе ведь сегодня восемнадцать?

— Спасибо. Да, это так. А вы случайно не знаете, где князь?

— Он был здесь, но, видно, куда-то отошёл. Я не знаю, но думаю, что скоро вернётся.

— Ольга, здравствуй! С праздником тебя, — произнёс чей-то низкий, очевидно женский, голос.

К их обществу присоединилась какая-то пожилая женщина высокого роста и крупного телосложения. По ней было видно, что она очень властная и самодостаточная, но взгляд её был, кажется, чем-то омрачён, к тому же она совсем не улыбалась.

— Здравствуйте... Благодарю вас, — немного растерянно произнесла Оля.

— Это тебе, — она протянула ей небольшую бархатную коробочку.

— Спасибо, — Оля взяла её в руки. — Извините, но с кем я имею честь?

— Мы с тобою очень давно виделись, ты была ещё со-

всем маленькой и, наверное, уже не помнишь меня, — как-то странно безэмоционально произнесла дама, в сочетании с её голосом это прозвучало как-то претензионно, хотя она ничего не предъявляла. — Я твоя бабушка, княгиня Александра Николаевна Волконская.

«Вот уже который по счёту человек поздравляет меня... Может быть здесь и правда лучше, но разве у меня есть бабушка? Если княгиня Волконская, значит, мать отца».

— А... Я вас не помню, но приятно познакомиться, Александра Николаевна, — княжна слегка улыбнулась.

Оля редко радовала окружающих своей лучезарной улыбкой, и каждый раз, когда она это делала, её аристократическое лицо становилось очень милым и ещё более красивым.

— Как же ты выросла... *Tu es tout simplement magnifique!*
[16] Замуж уже самое время, —

Александра Николаевна, искозясь в какой-то полуулыбке, искоса взглянула на Марию Николаевну, как бы намекая на то, чтобы она преподавала Сергею идею замужества его дочери.

Оля на это не ответила ничего, а лишь подумала:

«Чего им всем это замужество далось? Когда надо будет, тогда и выйду замуж».

Александра Николаевна недолго была около внучки, скоро она исчезла где-то в толпе, и Оля захотела уйти, ибо перспектива находиться среди каких-то неизвестных людей её не привлекала. Уйти в комнату ей не дала Мария Николаев-

на:

— Оленька, милая, не пройдёшься ли со мною?

— Ну хорошо, пойдёмте, только я подарок отнесу, — Оля согласилась, ибо это всё ж таки лучше, чем находиться среди большого количества неизвестных людей.

Княжна отнесла коробочку в свою комнату и вместе с княгиней вышла в сад.

— Почему вы меня позвали? — спросила Ольга, ей действительно была интересна цель, хотя у неё и были некоторые догадки. — Неужели вам так одиноко?..

— Я не могу ответить, — произнесла Мария Николаевна, тяжело вздохнув и опустив взгляд на землю, — ибо не хочу лгать тебе, но и расстраивать тебя правдой мне также не хочется.

— Значит, ответ «да»... Знаете, не сочтите за дерзость, но я всегда хотела спросить у вас — зачем вы жалуетесь своим братьям на моего отца? — неожиданно она вспомнила, что Дарья упоминала об этом когда-то.

— Откуда тебе это известно?.. — княгиня побелела, словно лист бумаги, и испуганно покосилась на Олю.

— Ох, нет, не подумайте, я не слежу за вами! Я узнала это совершенно случайно... Батюшка об этом не знает и не узнает никогда, я просто хочу услышать ответ лично от вас, неужто вы не любите его? Я знаю, это не моё дело, но прошу вас, ответьте мне.

— Раз уж ты сама заговорила об этом... Я очень люблю и

ценю Serge! Но, мне кажется, что это невзаимно, и он меня не любит, ибо он очень равнодушен и холоден, а иногда даже груб со мною, — Мария Николаевна, сделав глубокий вдох, закрыла лицо руками и опустилась на ближайшую скамейку.

«И зачем я только спросила это? Хотя проблема, очевидно, есть, раз она плачет... А так хоть может ей легче станет. Что ж за чувство такое загадочное — эта любовь?..» — подумала Оля, ей стало искренне жаль и княгиню, и почему-то отца, в душе она ощутила какую-то тревогу за них обоих и их отношения, она раньше не думала, что всё настолько серьёзно.

Немного осмыслив, Оля всё-таки попыталась высказать Марии хоть какие-то первые пришедшие на ум слова поддержки:

— Он бы не женился на вас, ежели бы не любил. Я не знаю, что такое любовь, что значит любить совершенно чужого человека просто так, ведь сама никогда не любила, но мне кажется, что князь любит вас, просто почему-то не показывает этого. Я думаю, отцу просто не до вас, ну, то есть, я хочу сказать, что у него нет времени и сил, так как очень много работы, он ведь генерал, кажется.

Мария Николаевна на эту длинную, выдуманную на ходу, речь не ответила ничего.

— Вы перестаньте жаловаться, но если вам будет грустно и одиноко, позовите меня, выговоритесь, я никому не расскажу. Вы ведь сами говорили мне, раз уж мы одна семья,

тем более, что, кроме вас и отца, у меня нет никого.

А ещё помните, что я всегда рядом с вами, — Оля взяла дрожащую руку княгини и слегка сжала.

— Спасибо, для меня это очень ценно.

Покой и безмятежность нарушили чьи-то быстрые шаги. Они стремительно приближались, и в один момент из-за дерева показалась Аксинья. Она, увидев княжну и княгиню, воскликнула:

— Ольга Сергеевна! Ох... Наконец-то я нашла-с вас!

— Что-то произошло? — спросила Оля, а княгиня сразу отвернулась от крестьянки, из-за того, чтобы та не видела её слёз, ибо это означало слабость.

— Их сиятельство князь зовёт-с вас, княжна.

Оля, встав, обратилась к княгине:

— Мария Николаевна, вынуждена оставить вас.

Мария Николаевна, стерев со своих покрасневших глаз слёзы, одобрительно кивнула, и Ольга направилась в дом, в кабинет отца. При входе туда перед ней предстала обыденная картина — князь Волконский сидел за столом и вновь что-то усиленно писал. Вид его был очень уставший и даже какой-то замученный.

— Входи, дочка, — он, отложив перо и бумаги, встал из-за стола и, подойдя к дочери, поцеловал её в лоб. — С праздником тебя, милая, — князь взял со стола бархатную коробочку, похожую на ту, которую подарила Оле его мать, только гораздо большего размера, и подал ей.

— Благодарю вас.

— Это ещё не всё. Присаживайся пока, милая, — сам Волконский вернулся за стол.

Оля присела на кресло и открыла коробочку, в ней были самые настоящие золотые серьги с большими рубинами и такое же кольцо.

«Вот это век... Драгоценности дарят!»

Послышался стук в дверь. Оля, чуть не выронив коробочку, быстро захлопнула её и положила рядом с собой.

— Войдите, — отозвался Сергей Григорьевич.

В кабинет, держа под руку Дашу, вошёл крестьянин Андрей. На фоне друг друга эти двое крестьян были совершенно разные. Андрей, хоть и не являлся весёлым человеком, был достаточно оживлённым и хорошо выглядел. Дарья же была вся какая-то болезненно бледная, взгляд её был и во все каким-то затуманенным, а движения очень замедленными — всё это отражало последствия того сильного удара по голове, от которого она не оправилась до сих пор.

— Вы звали-с нас, Ваше сиятельство? — спросил Андрей, поклонившись.

— Проходите, садитесь.

Как только крестьяне сели на диван прямо напротив княжны, князь, обратившись к дочери, заговорил:

— Ольга, я решил сделать тебе подарок и выполнить твою просьбу, а также отблагодарить Дарью за твоё спасение, — теперь он обратился к крестьянам: — Андрей, Дарья, я даю

разрешение на вашу свадьбу, можете пожениться, как только Дарья выздоровеет совсем.

— Благодарим-с вас, князь, вы очень великодушны, — Андрей встал и, поклонившись, поцеловал руку Волконского. — И вас, княжна, — он подошёл к Ольге и поцеловал её руку тоже. Даша проделала те же действия, только чуть медленнее.

— Вы можете идти, а ты, Ольга, пока останься.

Крестьяне, кланяясь, вышли.

— Завтра вечером мы — а это я, ты и Marie Николаевна едем на бал в Екатерининский дворец. Сразу после бала я надолго уезжаю в Петербург по важным государственным делам, а ты и княгиня остаётесь здесь.

— А когда вы вернётесь?

— Через месяц или два, точно сказать не могу.

— Я могу идти?

— Да, можешь.

Оля с восторгом выбежала и не просто выбежала, а пытаясь делать какие-то танцевальные движения. Преисполненная чувством великого счастья и вдохновлённая событием грядущего бала, княжна, заметив крестьянку Аксинью, оживлённо даже не проговорила, а пропела ей:

— Ксенька! Ксенюшка, милая! Ах, Боже мой! Мы на бал завтра едем! На настоящий бал!

— Очень рада-с за вас, Ваше сиятельство.

— Позови ко мне Дашку. Она, конечно, плохо выглядит,

но ей, вроде бы, лучше. И сама тоже иди.

— Как прикажете-с, — крестьянка поклонилась и ушла.

Оля, с тем же успехом, направилась к себе. Вошедши в комнату, она присела на кровать и стала ожидать крестьянок, которые довольно скоро пришли.

— Даша, как ты чувствуешь себя? — улыбаясь, спросила Оля. Её прямо-таки переполнял восторг, как будто ей в любви признались.

— Мне немного лучше, княжна, хотя тяжеловато.

— Это хорошо, присядь, — княжна сама подскочила со своего места. — Ну что ж, девочки, подскажите мне что-нибудь по поводу завтра?

— Вам лучше спросить-с у князя или княгини, но обычно в свете как примут-с на первом балу, так и относиться-с будут потом, — ответила Дарья.

— Хм... А как мне одеться лучше?

— Я думаю-с, вам очень подойдёт-с бежевое платье с открытыми плечами и к нему перчатки такого же цвета.

— Что думаешь, Аксинья?

— Я тоже так думаю-с, но выбор за вами, Ольга Сергеевна.

— Ммм... Ну хорошо, доверюсь вам, а причёску?

— О! Это не проблема, позовёте-с меня, я всё сделаю-с, это я в состоянии, — с неким энтузиазмом, произнесла Даша.

— Ладно. Ты, Даш, иди отдыхай, а ты, Ксюш, занимайся делами.

Крестьянки поклонились и вышли.

Оля, с восторгом, упала на кровать.

«Неужели бал... Как в фильмах, только самый настоящий! А там ведь и мужчины будут, может быть я там встречу кого-нибудь? Хотя доверять кому попало нельзя... Надо будет у отца спросить, он же явно знает всех там. Ладно, не проблема. Я ведь буду танцевать вальс! Ой, а я не умею...» — она вскочила с кровати и задумалась, потом выбежала в коридор и отыскала Аксинью, с которой они сегодня уже полдня не давали друг другу покоя.

— Слушай, что мне делать? Я танцевать не умею, — призналась Оля.

— Может спросить-с у княгини? Вдруг поможет-с чем-то.

— Точно! А она у себя?

— Да, у себя.

Ольга направилась к ней. Она, подойдя к двери, легонько постучала, но, что удивительно, ей не ответили. Оля дёрнула ручку, но дверь оказалась закрыта.

«Как странно... Аксинья ведь сказала, что княгиня здесь. Отошла что ли куда? Может быть она у князя?» — с этой мыслью Оля направилась к отцу, но кабинет оказался пуст. Тогда она сходила в его комнату, но и там никого не было.

«А отец куда подевался?... Ладно, не суть, может быть княгиня уже вернулась».

Оля пришла обратно и ещё раз аккуратно пошевелила ручку, но там всё также было заперто. Она прислонила ухо

к двери и прислушалась, но было тихо.

«Даже если она и ушла, то почему дверь-то закрыта? Странно как-то... У отца и кабинет открыт, и комната — тоже. Может просто замок заклинило», — она, теперь уже с силой, подёргала ручку, но дверь никак не желала открываться.

Недалеко удачно проходила Акси́нья, и княжна, увидев крестьянку, сразу подбежала к ней и, разводя руками, предъявила:

— Марии Николаевны там нет.

— Как же? Княгиня, кажется, не выходила-с.

— А отец тогда где?

— Не могу-с знать, Ваше сиятельство, я его сегодня с самого утра не видела- с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.